

16+

ПЕТР ИНГВИН

ОЛЬФ

КНИГА ВТОРАЯ

Отвѣты на вопросы

Петр Ингвин
Ольф. Книга вторая
Серия «Ольф», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38511363

SelfPub; 2022

Аннотация

Окончание дилогии. Все тайны разгаданы, все интриги раскрыты, все сюжетные линии пришли к логической развязке. И все же...

Обложка – Галина Николаиди.

Содержание

Часть пятая «Неужели не надоело?»	4
Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	32
Глава 4	41
Глава 5	66
Глава 6	95
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Петр Ингвин

Ольф. Книга вторая

Часть пятая «Неужели не надоело?»

Глава 1

Челеста не задала ни единого вопроса. Она не видела, что случилось на стройке. Ей хватило того, что слышала.

– Все, моя хорошая. – Я раскрыл руки, чтобы обнять. Это было нужно. Только это, слова сейчас не помогут.

Она прижалась ко мне, как к матери... нет, как к отцу в поиске защиты. Или как к старшему брату. Нет, здесь другое: как к настоящему мужчине – всхлипывая, содрогаясь, вжимаясь так, будто хотела раствориться.

– Больше я тебя не оставлю.

Забыть. Забыться. Вон из этого города – на юг, к морю, под пальмы. Весь мир у ног, чего я заиклился на своих нерешенных проблемах?

Что-то мешало. Что-то, что вздувало вены на висках. Стирало зубы в порошок. Лаврик говорил... говорил...

Не хотелось об этом думать, но отрешиться и забыть невозможно. Он говорил, что были и другие. Корабль получил новый приказ:

– Назад, к стрельбищу.

Я выскочил в уже знакомом месте и пронесся через проходные помещения, где лоб в лоб столкнулся с Русланом.

– Ольф? – Он машинально сделал шаг назад.

Но только на миг. С ним была девушка, это заставило Руслана прикрыть ее от меня – взвинченного, с молниями из глаз.

– Лаврик сказал, что участвовали все.

– И не такое придумаешь, когда встретятся сфинктер и паяльник. – Руслан в меру разумения догадался о том, что произошло. – Спроси у нее, у своей Челесты. Он был один.

– Спрошу. Но ты гарантировал.

В воздухе почти осязаемо искрило и дымило, и отгораживаемая от меня девушка не находила себе места:

– Русик, это кто? Что происходит?

– Маленькие рабочие проблемы. Помолчи.

– Маленькие?! Не маленькие. Вижу какие. И не буду молчать, когда вы на таких тонах...

Руслан обернулся ко мне.

– Это Света, моя жена. – Его плечи обреченно поникли.

Она была светленькая, миленькая, фигуристая. Поразили глаза – небольшие, но бездонные. Как Марианская впадина. Без чудовищных усилий человеку на глубину не попасть. А

глубина чувствовалась.

Более детального внимания Света не удостоилась, мой взгляд буравил Руслана – второго возможного обидчика. Как минимум – не сдержавшего слова. В мужском мире слово, как карточный долг, свято.

– Ольф, – представили, наконец, и меня.

– У вас что-то случилось? – Теперь Света глядела со страхом. – Что?

– Это у меня случилось, – не дал мне ответить Руслан. – На вверенной мне территории обидели его девушку. Ольф считает, что виноват я.

Света ойкнула:

– А теперь он хочет в отместку отыграться на мне?

– Откуда мне знать, чего он хочет? – огрызнулся Руслан.

– Согласен, – вбросил я. Как кирпич в морду. Или шлагбаум на голову. – Встречаемся послезавтра в это же время. Будем стрелять.

– Стреляться?! – Света пошатнулась, Руслан едва успел ее подхватить.

– По одной стреле. Выбор типа лука и дистанции за тобой. – Наверное, было что-то в моем взгляде, что не допускало возражений. Не знаю. Мне себя со стороны не видно. – Победишь – значит, не виноват. Выиграю я – расплатишься женой. Мои условия.

И я ушел. Руслан хотел броситься вдогонку, но ему пришлось заниматься женой. Правильный выбор. За это дам ему

очко форы.

Или не дам. Посмотрю на его поведение, на состояние Челесты и на свои чувства, которые будут у меня к тому времени.

Почему послезавтра? Пусть он помучается. А я успокоюсь. Или не успокоюсь. Два дня меня или остудят, или приведут к мысли, что все делаю правильно. Потому – послезавтра.

Челеста так и сидела в будуаре – с остановившимся взором, забившись в угол. Ей нужно отвлечься. И мне. Возможности для этого были фантастические, в прямом смысле. Я выбрал тему путешествия: мир с крыш небоскребов. Мы полетели.

Сначала, понятное дело, Америка, главное логово этих чудищ имени одиннадцатого сентября. Один город за другим – необъятный многоликий Нью-Йорк, мрачный Чикаго, тревожный Детройт, одновременно задумчивый и веселый Лос-Анджелес... Некоторых названий мы просто не запомнили, а многих не знали. Города менялись, многоэтажные башни из стекла и бетона перемешивались в памяти. Разные, но чем-то похожие. Опасные и причудливые, страшные и изящные, грубые и утонченные, устремленные ввысь и опиравшиеся на широкие ноги...

Калейдоскоп. Мы нигде не задерживались. Штаты сменились Канадой. Оттуда мы рванули в Чили и Бразилию. Перенеслись в Южную Африку. Сравнили с будто бы перенесши-

мися из будущего Эмиратами. Изумились скученной Японии. Порадовались правильностью Малайзии. Покачали головами над цветным Сеулом и серым приземленным Пхеньяном. Задохнулись смогом Шанхая и Гонконга. Остальной Китай я проигнорировал, иначе небоскребиться будем до скончания века. В плане новостроек оказалось, что Поднебесная, как называют свою страну китайцы, – нечто невероятное. Насколько я слышал, только в столице в год к местному метро добавляется минимум пять... не станций, а линий!

Мы высаживались, смотрели, взлетали, вновь опускались и опять поднимались. Кривились, ужасались, удивлялись. Восторгались и печалились. Равнодушно окидывали взором или показывали друг другу что-то интересное. Но в оледеневшем сердце, как муха в янтаре, поселилась тоска. Жуткая, гложущая, невыносимая. Внутри все будто выгорело. Ни я, ни Челеста покоя не обретали.

– Ла лоро тровавано Руслан, Шурик, Антон, Гарун, Тимур, Глеб, Гена, Лена, Алина, Лера, Таня... Си кьяма Гена, – шептала она, пока взгляд с окопавшейся внутри пустотой бурилов окружающие красоты. – Гена э номэ феминиле, перо нон маскиле, ма тутти си кьямаванно кози. Пэнсаво ке люй э омосэссуале о маскетта э волево энтрарэ ин диместикецца кон Гено Лаурик комэ ун амика. Перо нон о пэнсато...*

**(Там были Руслан, Шурик, Антон, Гарун, Тимур, Глеб, Гена, Лена, Алина, Лера, Таня... Его звали Гена. Гена имя*

женское, вовсе не мужское, а все называли его именно так. Я думала, что он гомосексуалист или девушка, которая выглядит мужчиной, и захотела иметь Гено (здесь вставлено свойственное итальянской грамматике мужское окончание «о» вместо женского «а») Лаврика в друзьях как подружку. Я даже не думала...)

Однажды мне сказали тост на день рождения: «Здоровья тебе, удачи и денег. Остальное у тебя есть». Тогда я посмеялся: подкалывают приятели, издеваются. Дошло только теперь – не шутили. Во мне действительно было что-то, о чем не подозревалось. Оно прорастало корнями в нервы и брало за горло. Так же со мной было в армии. Уходил наивным мальчиком, вернулся бывалым мужчиной. Сейчас появилось ощущение, что те времена вернулись.

– Прости, Челеста, но меня всего колотит, выворачивает наизнанку. Не полетим мы больше никуда, ни в какие Европы и тропики. Надо заняться делом. Я хочу утрясти все, что возможно, если это возможно. Иначе меня разорвет.

Челеста молча кивнула. Моя прелесть. Ничего не поняла – но все поняла. Только глаза погрузнели еще больше.

Я дернул рычаги, как давненько не дергал. Корабль пронесся по странам, затем по стране и по городу – едва не сшибая антенны. Когда мы повисли перед знакомым окном, я заглянул внутрь.

Послание дошло до адресата. Первое, что предпринял господин Задольский – посадил у себя в квартире охрану.

Двое. Один курил на балконе. Совмещение его затылка с прикладом автомата произвело нужный мне результат. Вревка, кляп и скотч на рот завершили операцию.

Второй охранник листал журнал в гостиной. Я затемнил корабль изнутри – не нужно Челесте видеть, как будут обстрипываться мои делишки.

В окне я опробованным способом выставил москитную сетку, и просунутой внутрь рукой соседняя фрамуга открылась. С оружием перед собой я влез и, когда осторожно заглядывал в гостиную, чем-то скрипнул. Ну, не бабочка я, чтобы порхать, что поделать. Подрагивавшая в руках смерть устоялась на противника прежде, чем его пистолет был снят с предохранителя:

– Руки вверх!

Добрый молодец покорно дал себя скрутить. Правильно, как большинство людей его типа, он нанимался зарабатывать, а не умирать. Хорошо бы и дальше не напороться на исключение из этого правила.

Сусанна была в туалете. Втащив с балкона второго охранника, я уложил его рядом с первым. Сусанна еще не вышла. Как помнилось, здесь, у себя дома, при посещении интимного заведения она не запиралась. Впрочем, сейчас меня никакой запор не остановит. От удара дверь чуть не выворотило вместе с косяком, она распахнулась с неопишмым грохотом. Сусанна как раз натягивала на бедра штаны спортивного костюма. Определение «спортивный» кроме названия

никакого отношения к спорту не имело, Сусанна использовала удобную одежду как домашнюю.

– Ты?! Как ты вошел?

– Дверь была открыта.

И ведь не соврал, просто дверь имелась в виду другая. Поэтому я глядел открыто, с чувством несокрушимой собственной правоты. И абсолютной неправоты собеседницы.

Сусанна побледнела. Кажется, поняла, что на этот раз я без результата не уйду.

– Сделай явку с повинной, – предложила она. – Статью тебе переквалифицируют на самооборону или убийство по неосторожности. Я подтверждаю!

– Да? – Улыбочка у меня, видимо, вышла еще та. – Похищенное тоже сама сдашь?

Ее бросило в краску. Что ж, если краснеет, не все потеряно.

Одновременно в прищуре Сусанны мелькнуло что-то непонятное.

– Насколько помнится, ты расспрашивал про секту эротоманок – ну, которые поклоняются живому богу. На вечеринке ты не к той обратился. Я сумела узнать все. Тебе интересно?

– Откуда узнала?

– Нютку и разговорила. Это мужику про такое она ни за какие деньги, а подруге, да за стаканчиком...

– Воспользовалась тем, что ей плохо?

– А кому сейчас хорошо? Тебе интересно про секту? Если интересно, то, может, разрешишь выйти?

Я пропустил ее в спальню. Не на кухню – там ножи и прочие вилки. И не в гостиную – там пистолеты охраны и прихожая, откуда можно активировать сигнализацию или просто нажать тревожную кнопку.

Сусанну все устроило. Она расположилась боком на постели и с вызовом уставилась на меня. Я встал напротив нее, дуло автомата по-прежнему смотрело ей в грудь. Сусанна презрительно скривилась по поводу оружия.

– Как там сказало наше все? Что и в деревне скука та же, хандра ждала его на страже и бегала за ним она как тень иль верная жена. Ты в курсе, что скука бывает непереносимой? Деревенским дурочкам не хватало вялого внимания мужей, и они придумали развлечение. Предлог, понятное дело, был предельно благовидным – о мире узнать или, к примеру, исторические байки послушать. Типа, лекции. На свежем воздухе.

Сусанна с неким намеком умолкла.

Не люблю недосказанностей. Иногда то, что подразумевается, оказывается неправильно понятым. Собственно, не иногда, а очень даже часто.

– Ну и? – подтолкнул я к завершению.

– Какие, к черту, лекции! Они туда совсем за другим ходят!

– Конкретнее.

– Ты тупой? За сексом!

– Там же только женщины.

– Да? Откуда же тогда у одного рогоносца, Филиппа, кажется, ребенок взялся?

Я собирался объяснить, откуда, но Сусанна победоносно завершила:

– А он, между прочим, от природы бесплодный!

– Но я там был и сам видел...

Глаза Сусанны загорелись:

– Серьезно? Везде успеваешь. Завидую. И что же видел?

– Ну, танцуют, поют, потом раздеваются.купаются.

– А дальше?

– Никакого дальше.

– Тогда ты видел что-то не то. Или не все. Анята один раз тоже участвовала и такое рассказала...

– Не тяни.

– Что получу взамен?

– Глаза без фингалов.

– Кавалер ты просто божественный, умеешь уговорить девушку. Короче, мужик к ним приходит какой-то нереальный. Они с него тащатся, как морда бомжа по асфальту.

– И Анята?!..

– Говорит, все было как во сне, ничего не соображала. Что все делали, то и она.

А у меня в голове сверлило: Филипп, Филипп... Что-то знакомое. Ёж бизонь-мачту об тыковку, это ж Филька!

Тогда складывается как в легенде строителей Кхаджура-хо: «Бог луны тайно полюбил земную женщину...» В глазах Челесты, к примеру, я должен выглядеть таким же лунным богом. Выходит, Альфалиэль тоже? Бог луны, а? Если могу даже я... И предания останутся точно такие...

Для обладателя корабля это семечки, каждый владелец – временный вроде меня или постоянный – использует могучую технику по своему разумению. Я получил корабль уже как бесхозное имущество. Выходит, Альфалиэль – не предание старины глубокой и не модная дурь новой секты, а, как я и предполагал, тот парень с медальоном. Мой предшественник. Рассказчик занимательных историй и гроза женщин деревни Запрядье.

И – как же больно... – беззаветно ожидаемый любовник Полины. Тот, кого она почитает за Бога.

Кажется, я основательно отвлекся. Глаза вновь сосредоточились на вдруг активизировавшейся Сусанне. Нет, она даже не вставала с кровати, просто стягивала с себя костюм. И не только костюм. Передо мной вырос курган материи, еще хранившей тепло носимых внутри богатств. Источаемая ими соблазнительность сгустила воздух. Что уж говорить о самих подробностях, полновесно открывшихся взору.

– Ты же об этом думаешь? – бархатно и чуть ехидно проворковал понежневший голос. – Я знаю, мужчины любят глазами. А женщины, открою тебе тайну, любят когда их любят. И всегда – иногда специально, иногда не задумываясь и со-

вершенно произвольно – идут навстречу.

– Так уж и всегда. А то я не знаю. Ты со мной только из-за доку...

– Тупица, – перебила Сусанна. – Головой думай, если она еще думает. Согласна, ты не принц на белой кляче. Не так давно я считала, что кляча. Ошиблась, признаю. Ты не скучный. К тому же... – В ее взгляде мелькнуло лукавство. – Принца можно ждать всю жизнь, а мужик нужен каждый день. А ты мне по-прежнему нравишься. Да что я говорю, не по-прежнему, а намного больше! А ты... Ты хочешь меня?

– Хочу! – внезапно для самого себя сознался я. – Но хочу не как женщину...

Глаза Сусанны округлились.

– Господи-боже...

– Не столько как женщину, – поправился я, и голос наполнился суровостью, – сколько отомстить за все, что со мной произошло из-за тебя. Все нужное – в тумбочке, как обычно?

И я отомстил. Грубо и жестко.

А этой поганке стоеросовой, черт бы ее подрал, снова понравилось. Ну нет в мире справедливости.

Глава 2

Когда сердце унялось и восстановилась возможность мыслить трезво, я снова схватился за автомат. Сусанна рассмеялась:

– Не отниму, не бойся. Сама его боюсь.

И все же я заправлялся одной рукой, а вторая не выпускала оружия.

– И нападать на тебя не собиралась, зря нервничал и обоим удовольствие портил, – расслабленно продолжала Сусанна. – Если с двумя бугаями сладил, куда уж мне. Да, я ошибалась. Может, ты и есть сказочный принц, в которого не верилось? Ведь всегда так, счастье бродит где-то рядом, а мы его не замечаем...

Меня передернуло.

– И не мечтай.

– Как ты сумел сбежать? – после некоторой паузы поинтересовалась раскованная подружка. Она развалилась в позе Данаи и не стеснялась даже того, что в соседней комнате лежат два охранника, и по звукам они, скорее всего, прекрасно понимают, что здесь происходит.

– Смотрела кино про человека-паука? – вопросом на вопрос ответил я.

– Ну?

– И о паркуре, надеюсь, слышала?

– Ну?

– Чего «ну»? Дальше сама что-нибудь придумай.

Сусанна в задумчивости водила пальчиком по спелому бедру – гладкому, с малиновыми пятнами от моих рук.

Словно очнувшись, я хмуро собрал морщины на лбу – на время оставшиеся без контроля, они расплылись в сладком умиротворении.

– Где документы, из-за которых твой папашка готов сожрать меня вместе со всем непереваренным?

– Откуда я...

– Не ври.

На миг Сусанна напомнила пружину, на которую наехал танк. Ох, сейчас выстрелит...

Но бывшая подружка выдохнула, глаза стали злыми:

– Значит, если повторю, что в жизни их не видывала...

– Хватит ломать комедию, они у тебя, я знаю. Я пришел за ними и не уйду, пока не получу все в целости и сохранности.

– Что ты хочешь от меня?

– Я же сказал – документы.

Сусанна внутренне подобралась, и я тоже напрягся.

За демонстрацией готовности к схватке ничего не последовало. Поразмыслив немного, Сусанна странно прикусила губу, прежде чем выдавить:

– Ну да, я забрала их. Чтоб не достались этой вертихвостке.

Я не понял.

– Анжелке, – последовало пояснение. – Его последней пассии. Смазливая мордашка и мельничные жернова на месте задницы – не повод претендовать на то, что обязано стать моим. Это мое наследство!

– Вадика больше нет! – Я попытался вернуть бывшую подругу в реальность. – Его пассия не имеет никаких прав!

– При чем здесь Вадик? Я говорю об отце.

Теперь дошло. Я поскрипел зубами. Угораздило же влезть в террариум.

– Где документы? – повторил я жестко. – Они и так твои. Давай предъявим их полиции, что нашлись, мол. Конкурент в лице брата исчез, чему, я вижу, ты только рада. Как только с меня снимут ложное обвинение, ты получишь документы обратно.

Чувствовалось, что в мозгу Сусанны шла не привычная работа со скрипом и хиханьками, а бушевал аврал. Прошло около минуты, прежде чем она смиренно выдохнула:

– Хорошо. Пошли.

– Куда?

– Увидишь.

– Ага, а ты меня снова – в полицию?

– Какой злопамятный. Нет. Вижу, что от тебя так просто не отделаться. Ты же вернешься.

– Вернусь. Куда пойдем? Учти, выходить через подъезд я не намерен, консьерж не должен меня видеть.

– Не нужно выходить из дома. Поднимемся на другой

этаж.

Это меня устраивало, но прежде чем выйти из квартиры...

– Даже не думай вызвать полицию или подмогу через каких-нибудь знакомых, или спрятаться у них, – еще раз предупредил я.

– Конечно, нет, милый Олежичек. Как тебе такое в голову взбрело.

А вот взбрело. «Милый Олежичек». Тьфу, пакость.

Дав Сусанне возможность привести себя в порядок, я подошел к окну и «выбросил» в него автомат, после чего подмигнул связанной охране и галантно распахнул перед дамой входную дверь.

Мы вышли. Сусанна впереди, я немного сзади, придерживая за локоток, чтобы исключить возможные фортели. Бывшая подружка просто летела по ступенькам вверх. Ее тыл, похожий на запущенный метроном, выразительно и ядовито ухмылялся. Нестерпимо захотелось вновь унижить его, насадить, как бабочку, на иголку энтомолога. Показательно распнуть. Раздербанить на лоскуты. Размозжить в лепешку, точнее в две – большие, белые, сдобные...

Я встряхнул головой. Не о том думаю.

А вот не получается с Сусанной думать ни о чем другом. В ее присутствии вообще не получается думать. Что тому виной: возраст? одиночество? зашкаливающий тестостерон? Пора в аптеку за бромом бежать. Или к психиатру. Или перестать шараться в плане отношений и найти, наконец, ту

единственную, с которой беда не беда и проблемы в радость.

Эх, Полина...

Эх, Челеста...

Эх, все...

Короче, «эх», быстро переходящее в «ох».

Нужная квартира оказалась на этаж выше, прямо над Задольскими – дверь напоминала вход в секретный бункер, столько в ней оказалось брони и замков. Будто здесь от ядерного взрыва защищались. Странно, что делалось это в обычной, хоть и элитной, высотке, а не в ее подвале. Но если вспомнить, что сюда зачем-то приносили документы, за которыми охотятся по всему городу ... Может, здесь что-то вроде банковской ячейки? Никому в голову не придет, что охраняемый сейф стоит в другой квартире. Мне бы не пришлось.

Способ, которым Сусанна добилась, чтобы ее пропустили, укрепил меня в догадке про квартиру-сейф. Звонок, стук, два звонка, два стука. После небольшой паузы цикл повторился. Проскрежетав замками, стальной монстр разинул зев.

– Я от Наташи, – проговорила моя спутница в темноту.

– Проходите.

Открывший ушел, так и не показавшись. Сусанна юркнула следом. Держась настороже, я замыкал процессию. Дверь смачно лязгнула за нами, защелкнутая механическим доводчиком и наглухо запертая автоматикой. И...

Несчетное количество глаз обернулись на нас из комнаты.

Кто-то – хмуро и страдальчески, кто-то – с вызовом, как на опоздавших в кинотеатре, которые лезут к своим местам при идущем фильме. Кто-то проигнорировал. Видимо, особого интереса мы собой не представили и для большинства мгновенно потеряли какое-либо значение.

– Простите... – пробормотала Сусанна, что было для нее несвойственно.

Симпатичным интерьером с обилием люстр, ковров и мягкой мебели квартира смахивала на номер дорогого отеля, но вовсе не обстановка бросилась в глаза. Мое ошалевшее внимание будто пригвоздили к центру большой комнаты. В полуколыце мужчин и женщин на атласной кровати закатывала глаза нагая деваха с порочным взором. Причина закатывания – производимые в корму удары бури, которую олицетворял крепкий мужик. В трех словах: здесь снималось кино. Ну, которое не показывают по телевизору. По крайней мере, днем и бесплатно. Оператор придиричиво следил за картинкой в видоискателе, софиты высвечивали главное действо так, что зрение на некоторое время поплыло радужными кругами, когда я поглядел в сторону.

– Стоп! – раздался мужской голос. – Снято.

Мы с Сусанной остановились позади всех. Занятые собственными заботами киношники о нас забыли. Мужчина, исполнивший арию перфоратора в равнодушной штольне, покинул забой, героиня потянулась к сидевшим поблизости членам съемочной группы. Эти господа, по лицам видно,

следили за перипетиями немудреного сюжета исключительно в силу производственной необходимости. Отобрав у кого-то сигарету, недавняя героиня с чувством затянулась.

– Продолжим через пять минут, – распорядился человек на высоком стуле. Режиссер, если я что-то понимаю в кино.

Искрой Божией, как и талантом, здесь не пахло, просто делались деньги. Нет, они зарабатывались. Тяжелым, изматывающим трудом.

– От Наташи, говорите?

Выслушав поясняющий шепот одного из сотрудников, начальствующий субъект затянулся из сигаретного огрызка, почти невидного среди пальцев, и задумался. Наметанный взгляд раздел нас обоих – профессионально, бесстрастно, без какой-либо примеси желания. Оценив фактуру, режиссер то ли вопрошающе, то ли приглашающе указал на подиум с большой кроватью.

– Желаете прямо сейчас? Мужчинка, конечно, дохленький, но позарез нужны новые лица. А самочка в самый раз.

Судя по пустоте, которая появилась в глазах режиссера, его отгородившийся от реальности мозг прикидывал, как лучше задействовать выигрышные стороны «самочки». Похоже, цель нашего визита поняли неправильно. Я нервно покосился на Сусанну, но она предательски молчала и только делала мне мимические знаки, что все нормально.

Что нормально? Когда перейдем к главному?

Что ж, как говорится, если гора не идет к Магомету...

– Меня интересуют документы.

Я крепче сжал локоть шустрой подружки, теперь изо всех сил строившей глазки режиссеру.

– Паспорт и медицинская справка, – упало в ответ. – Если все с собой, приступайте прямо сейчас. Оплата понедельно.

– Я о других документах.

– Да? Мне показалось, вы хотите сняться. По прочим вопросам обращайтесь по номеру с этой визитки.

Он полез в верхний карман сверкавшего отливами пиджака, где у киногероев и косивших под них пижонов обычно торчит уголок носового платка. У режиссера там ничего не торчало, но что-то легонько оттопыривалось. Как оказалось, на сердце он держал координаты для связи с нужными людьми. Кажется, из-за того, что я заикнулся о документах, меня отправляли к «крыше» подпольной киностудии.

Сусанна с гневным видом выдралась из капкана пальцев.

– Это я, я хочу сняться! – Она шагнула вперед с пылающим лицом. – Ничего, если документы принесу вечером или завтра?

Режиссер покачал головой:

– Исключено.

– Позвоните Наташе, – не унималась Сусанна, – она за меня поручится.

Вот замысел и открылся. Меня снова кинули. Мадмуазель Задольская завела меня к людям, к которым ее однажды пригласили, но куда приходить, не случись форс-мажора, она не

думала. Я попытался снова схватить ее. Не тут-то было, Сусанна прорвалась в центр притихшей и внимательно слушающей команды.

– Документы дома. Здесь, этажом ниже. Принести?

– Молодой человек интересовался другими документами.

Несомненно, режиссер расценил мои слова как наезд. Сусанна вылезла вперед:

– Вы его не слушайте, он хочет мне помешать, потому и увязался. Придержите его, пожалуйста, а я мигом...

– Исключено. – Режиссер сделал останавливающий жест.

– Правильно. – Я потянулся к Сусанне, мысленно проклиная себя за доверчивость. – Пойдем, дорогуша, слышала же, ты здесь не нужна.

– Видите?! – Она умоляюще воззрилась на режиссера. – Помогите! Я не хочу идти с ним!

Режиссер кивнул.

– Ладно, пусть он катится к чертям. – Холеный палец с перстнем-печаткой указал на дверь. – Проводите молодого человека.

Гримаса, которую я соорудил на лице, сообщила Сусанне, что ее ждет в скором времени – как через некоторое время вне сего милого заведения, так и сразу же – внутри. Даже обидно стало, что не увижу. Честно говоря, за такое я бы заплатил.

– Нет! – Сусанна сжала кулаки. – Там он придумает что-нибудь, и будет только хуже! Не только мне!

Зря она это, которое в конце. До сих пор режиссер был на ее стороне.

– В таком случае, идите-ка вы оба...

– Пожалуйста! – Сусанна кинулась ему в ноги. – Не выпускайте его, он мне жизни не даст, со свету сживет! Убьет!

– А если снимешься – не убьет?

– Тогда убивать будет поздно.

Калькулятор в уме режиссера громко щелкал.

– Сделаем иначе.

По его сигналу взяли меня в кольцо.

Трезво оценив ситуацию, я попытался протиснуться к двери:

– Пусть остается. Не больно-то надо. А я пошел. До свидания.

Не получилось. Несколько крепких рук вцепились, и через миг обе пары конечностей оказались связанными. Меня переместили на кухню, где складировали на табурет, как чужую посылку. С тем же пиететом.

– Будешь вякать – добавим кляп.

– Спасибо! – Довольная Сусанна бросилась к дверям. – А я за документами...

Ее перехватили так же, как меня. Режиссер приказал команде доставить новую актрису на съемочную площадку и перекрыть пути к бегству.

– Доверимся слову Наташи, до сих пор она не подводила. Все по местам!

До Сусанны начало доходить.

– Нет! – У нее даже голос сорвался.

На крик никто не реагировал, здесь это, как видно, привычное дело. И шумоизоляция в студии – на уровне. А если будут проблемы, в кармане режиссера ждет своего часа визитка с телефоном. Профессионалы.

Одна бровь режиссера поползла вверх:

– Нет? А мне казалось... То есть, вас выпустить? Обоих?

Он знал, куда надавить.

– Не надо.

– Вот и ладненько.

Сусанна прятала лицо от настраивавшейся на нее камеры и бормотала под нос про папу и связи, а я, спеленутый, как буйный грудничок, наблюдал за происходящим с безопасного расстояния. Взгляд бывшей подружки выказывал желание придушить меня прямо здесь и сейчас. Я с ехидной улыбочкой показал ей язык. А глазами – на главную сцену: давай, мол. Ко мне никаких претензий, сама напросилась.

Сусанна болезненно уставилась на то, как экранному напарнику наводили лоск на оружие производства.

– Может, для начала в массовке...

Режиссер едва удостоил ее ответом:

– Не тебе решать. Сцена шестая! Приберите на постели! А новую актрису... как тебя?

– Сусанна. Сусанна Задольская. Задольская, слышите?!

– Отличное имя для титров, само просится на обложку.

Звучное и с намеком. Ее вместо Зины.

Внимания на новенькую режиссер больше не обращал, зато обратили другие:

– Чего стоишь? Раздевайся.

Безысходно озираясь, Сусанна принялась разоблачаться. Два представителя околосъемочной братии оказывали необходимую помощь. Заволновалась гримерша, готовя реквизит к очередной схватке с действительностью. На дернувшейся от неожиданности голове Сусанны устроили художественный беспорядок: дескать, прическа все равно растреплется, пусть уж сразу будет пригодна для живописных кадров в нужном ракурсе.

Поняв, что колебаниями от безоговорочного «Не-ет!!!» до «Ничего не поделать» она только мешает слаженной работе профессионалов, Сусанна отдалась неизбежному. Чужие руки четко и быстро освободили ее от ненужного и теперь всеми способами боролись со следами врезавшихся в кожу веревочек.

Странно, но в этой пропитанной нездоровым ажиотажем атмосфере Сусанна вдруг воспрянула духом. С осознанием, что отбрыкаться невозможно, ее кинуло в другую крайность. Казалось, окутавшее новизной невообразимое происходящее – очередная серия в фильме ее жизни, где произошло много не менее небывалого, а произойдет еще больше. «Если нельзя избежать – постарайтесь получить удовольствие от процесса» – говорят циники и американские по-

лицейские. И Сусанна. Когда ее сочный корпус опустился на расстеленный шелк, к ней двинулся партнер по съемкам, брутальный мен с безучастным лицом. В конце трудового дня новая актриса его не волновала и на подвиги не вдохновляла. Зато Сусанна... Ее взгляд замер на середине партнера – чувственно, умиленно, по-настоящему любя, как женщины смотрят на маленьких детишек, прежде чем их приласкать. Режиссера ударило идеей, он выставил указательный палец на облизнувшуюся Сусанну и гаркнул оператору, который не понял жеста или попросту не увидел его:

– Умер, что ли?! Давай! Крупный план!

Съемочная площадка закопошилась – приказ начальника оказался палкой, разворотившей муравейник. На миг всем стало не до меня. Я изогнулся червем, приподнялся с табурета и на связанных ногах проскакал к окну. А как открыть? Единственный инструмент – зубы. Вцепившись ими, я повернул ручку, потянул ее на себя и, когда тело переваливалось наружу, взмолился:

– Откройся родной!

Корабль висел в ожидании этажом ниже, невидимая крыша находилась как раз подо мной. Впустит ли корабль хозяина через верх?

Выбора не было, как и времени на раздумья. Если все пройдет не по плану, главное – не расшибиться насмерть, тогда есть шанс вернуть корабль и здоровье. Если в обратном порядке, то дело затянется на годы. Все это промелькнуло в

голове за секунду жуткой невесомости при свободном падении.

Челеста вытаращила глаза – я грохнулся с потолка прямо на постель, едва не раздавив бедняжку.

– Мио Дио... – Она стала развязывать на мне ремни.

Освобожденные руки схватились за «Калашникова».

– Вай ди ла ди нуово? Фар ведерэ кванто стэлле чи соно ин чьело? Вадо кон тэ.*

**(Ты снова туда? Показать им, где раки зимуют? Я иду с тобой)*

Настрой напарницы порадовал. Явно хочет со мной.

– Держи. – Я вручил ей карабин.

Корабль поднялся на крышу многоэтажки. Проще, конечно, войти через окно...

Нельзя. Зачем светить нечеловеческие возможности, когда можно этого не делать?

С крыши мы с Челестой спустились на нужный этаж. Звон, стук, два звонка, два стука и весь цикл еще раз. У меня память хорошая. Лязгнули отпираемые замки – медленно, один за другим. Я стоял сбоку, а перед дверным глазком улыбалась коварная итальяночка, за чьей спиной прятался карабин.

– Вы от кого?

– Она со мной. – Уперев ствол в живот открывшему, я заставил его попятиться в помещение. Челеста прикрывала тыл.

– Не двигаться!

Ошарашенные лица воззрились на меня, стараясь понять, не во сне ли все это. К сожалению, некоторые не поняли слов. Или не поверили.

– Стоять, я сказал!

Легкое нажатие на спуск... Оглушительно гроыхнуло, с потолка посыпались осколки люстры и штукатурка. Присутствующие послушно замерли. Как статуи. В самых неестественных позах, теперь безоговорочно поверив в реальность происходящего.

– Запись с камеры – мне, – приказал я.

– Что будешь с ней делать? – любопытствовал режиссер.

Вместо ответа я бросил исполнившему мою команду оператору:

– И весь архив. Вообще все, что наснимали сегодня и раньше.

Студия мне откровенно не нравилась, захотелось нанести максимальный урон.

– Не надо, – осторожно вставил режиссер как бы с заботой обо мне. – Тебе не уйти с этим далеко, я уже нажал кнопку. Уходи по-хорошему, пока есть время.

– Архив! – Ствол качнулся в сторону помощника режиссера.

Мне с опаской указали на стальной бухгалтерский шкаф. Стальной шкаф – это не сейф, внутренний язычок замка раз-

летелся от одной пули. Рядом кто-то сел от неожиданности, многие терли заложившие уши. Мешать мне никто не осмелился.

Прихватив коробку с дисками, махом головы я указал Челесте на дверь:

– Отходим.

Естественно, о лифте даже не думалось, мы понеслись вверх по лестнице. Погони не было, героев в съемочной группе не нашлось, никто не хотел нарываться. Все надеялась на охрану-«крышу». Охрана запаздывала – никто с их точки зрения за несколько секунд подъезд покинуть не сможет, а им еще вооружиться нужно, после чего добежать или доехать, в зависимости от дислокации. Приятно, когда противник тебя недооценивает. Ввалившись в корабль, мы в изнеможении опустились на пол. Глаза Челесты, недавно серые и безжизненные, снова блестели, как угольки в камине. Вот и замечательно. Деятельность – лучшее лекарство от всего.

– О прэзо ун бэлло спавэнто!*

*(*Ну и натерпелась я страха*)

Бэлло, говорит. Значит, все хорошо. То есть, прекрасно, насколько я понимаю в итальянском.

Глава 3

Не терпелось рассказать Полине о том, что я узнал и о чем догадался. Это перевернет ее жизнь. В смысле, что возвратит в правильное положение с головы на ноги. Дополнить бы сведения тем, что раскопает сослуживец... Альфалиэль – не бог, он мерзавец, который присвоил полномочия бога. Причем, только права, без обязанностей.

Утро вечера, говорят, мудренее. Вот и проверим.

Корабль стоял в лесу.

– Мэ лъай фатта бэлла ма нон вольо риаприрэ уна феррита. Оньюно э фильо делле проприо ационэ.*

**(Ты сыграл со мной скверную шутку, но я не хочу беречь старую рану. Каждый сам кузнец своего счастья. Буквально: каждый сын своих дел)*

Мы по очереди приняли душ, смыли грязь последних часов – ту, которую можно смыть. Остальное удалит только время. Когда Челеста, ожидая меня снаружи, мерила шагами полянку, то едва не вляпалась в оставленную каким-то животным лепешку.

– Ке скифо!* – вырвалось у нее. Или что-то похожее.

**(Вот, гадость)*

Скифы? Я усмехнулся. Одна из загадок – с нелюбовью к древней истории причерноморских степей – разрешилась.

Сейчас напарница привычно мазалась чем-то в туалете

перед отходом ко сну, а я перебирал добытые диски. Техники, чтобы посмотреть, на корабле не было, но обложки говорили за себя. Челеста удостоила трофеей косого взгляда и долго морщила носик.

Запись с Сусанной я положил отдельно. Хорошо, если не придется воспользоваться как компроматом, но учитывая ее неговорчивость и изобретательность...

Мозги вдруг заклинило: на втором плане одной из обложек красовалась физиономия Игорехи. Он и здесь успева-ет?! Я включил телефон и набрал товарища сержанта.

– Не спишь?

– Уже нет. Нужна помощь?

– Ты обошел молчанием одну составную моей просьбы.

Он помолчал.

– О парне, которого похитили? – донеслось тихо.

– Откуда его похитили и за что?

– За дело. – Чувствовалось, что говорить Игорехе не хочется. Зато стало понятно, что он в курсе событий.

– За что его убили?

– Что? – Повисла тревожная пауза. – Убили?

– Я видел труп.

– У меня другая информация. Его поймали и потащили к твоей землянке, а когда поняли, что там занято, отправились к дальней избе.

– Куда? – не понял я.

– Километрах в пяти, если по реке, стоит охотничья из-

бушка.

– Но я видел в воде труп.

Игореха мрачно выдавил:

– Значит, не довезли. По мне, так правильно. А что ты сделал бы с человеком, который спит с твоей невестой, обрюхатил молодую жену... и, возможно, не только ее? И перепортил еще добрую половину девчонок деревни.

– Сильно. Все – один? Ты в это веришь? Может, кто-то оговорил беднягу, а вы...

– Филипп с Антоном своими руками его с Настюхи сняли. А до того – утек, когда застукали сразу с несколькими нашими... и моей. Так что я плакать не буду.

– С твоей сестрой? – уточнил я, вспомнив дикую ссору с Полиной.

– С моей несостоявшейся женой.

– Полина – твоя бывшая невеста? – вырвалось у меня.

Рот захлопнулся, я прикусил язык, но поздно. Медленно растягивая слова, Игореха осведомился с подозрительностью, замешанной на отдающей стальным лязгом опасной жесткости:

– Откуда ты ее знаешь?

Вот же, прищемил больную мозоль или что там обычно прищемляется. Пришлось изворачиваться.

– Заблудился как-то, наткнулся на парня с девушкой, оказались Полина с Филиппом. Они помогли мне с ориентацией в пространстве.

– Она – с Филькой? Где?!

– На окраине деревни.

Игореха растерянно выдал:

– В лесу – вдвоем? Почему?!

– Филипп сказал, что брат просил сопровождать девушку, – прекратил я бессмысленный ревнивый приступ. – Мне почему-то подумалось, что ее брат – это ты.

– Антоха ее брат. С Филькой он не разлей вода.

Помолчали.

– Эккоми.*

*(*Вот и я*)

В рубке словно цветной фонарик включили. Это явил миру свет воскресший источник оптимизма – обаятельная Челеста. Она увидела, что я разговариваю телефону, ладонь виновато накрыла рот, и легкая фигурка опустилась на другой край постели.

Я продолжил:

– Еще. У меня интересный диск в руках. Не подскажешь, как тебя в актеры занесло?

Игореху взорвало:

– Откуда?! Я весь тираж выкупил и уничтожил! Из-за этой пакости – друг подработать затащил – я невесту потерял! Где ты его достал?!

– Успокойся, где взял, там уже нет. Этот, как понимаю, был последний. И его тоже больше нет.

Уперев в коленку, я переломил диск.

Взгляд машинально упал на следующий. Язвенный кысь, ни крота в твой колодец... Снова знакомое лицо. Вот, значит, на кого ссылалась Сусанна. А я думал, что у нее знакомых Наташ как ворон на помойке.

Сей выкидыш неуклюжего арт-хауза именовался «Студенки». Название – большими буквами на фоне разверзшейся... скажем так, Наташи, той самой, с вечеринки у Раи. Обрамленной... особо выдающимися частями представителей всей творческой группы. Глупо хихикающая мордочка Наташи составляла малую часть композиции, взгляд привлекала не сама Наташа, не ее безумно выпяченная «композиция». В глаза бросалась вторая девушка с той же обложки. Мне она была неизвестна, но яркое запоминающееся лицо неуклонно возвращало к себе из прочих ландшафтов. Я никогда не видел эту девушку, мы никогда и нигде не пересекались, это точно, иначе я бы запомнил. Такие лица не забываются.

Гладкая кожа. Изогнутые крылья бровей. Зовущие скулы. Предупреждающие о жесткой страстности чуть прикушенные губы. Она могла бы стать усладой глаз и тела какого-нибудь султана, ценителя гениальности женской красоты. Глядя в объектив камеры, она мечтала о чем-то подобном – быть царицей любви и повелевать мужчинами, для чего и пользовалась дарованными природой возможностями.

Гибкая спинка. Проворные руки. Жмущиеся друг к дружке вкусные полусферы. И лицо – непохожее на постные физиономии прочих героев, старавшихся изобразить страсть.

Или хоть что-то.

Этот диск я отложил к компромату на Сусанну. Пусть по-
лежит. Авось, не пригодится.

Игореха осведомился:

– Я слышал треск. Это он?

– Да. Забудь. Пусть прошлое остается в прошлом.

– Спасибо. – Игореха вдруг приуныл. – Я соврал. Не из-
за фильма меня Полина бросила. Из-за паскудника, которым
ты интересуешься. Участие в тех съемках... – Раздался звук,
будто собеседник сплюнул. – Оно было поводом. Она... Они
все в него влюбились. Как такое может быть?

– В жизни все может быть, по себе знаю, – констатировал
я, чтобы что-то ответить. – Похоже, парень смысленным был,
умел подобрать ключи к женскому сердцу, впечатление про-
извести, в нужное время нужные слова сказать. Ухаживать,
наверное, не забывал. Любовь, ее же надо завоевывать, а по-
том защищать.

– Все-таки его не убили, – протянул Игореха задумчиво. –
Антоха сказал, они раздели его, чтобы не удрал и чтобы по-
мучился. Ну и просто поиздеваться. Простительно же, после
всего, что тот натворил?

– А одежду – в реку?

– А его – в сторожку. Привязали, заперли, раз в несколько
дней кормить ходят.

– ХодЯТ?! То есть...

– Говорят, что до сих пор ходят. Спрашивали, не изъявлю

ли желания показательно наказать или не проявлю ли какой фантазии насчет показать наказательно. Как-никак, я тоже сторона пострадавшая.

– Километров в пяти, говоришь? По течению или...

– Вверх.

– Ясно. Пока.

Палец вдавил «Отбой» и не отрывался, пока телефон не выключился полностью. Я обернулся к Челесте.

Умаявшаяся и успокоившаяся, она спала в своем углу. Правильно, спи, моя маленькая. Пусть тебе снится все самое прекрасное и приятное. Я охраню ажурные переплетения сна от вторжения прокисшей действительности. Любым путем спасу вытканый подсознанием призрачный мир от угроз и несчастий. Во сне и наяву. Я – твой страж. Твой рыцарь. До сих пор бездарный и неумелый, отныне я изменюсь. Ничто больше не потревожит твой сон. И твою жизнь. Я сказал.

Лев Толстой заметил однажды, что большая часть мужчин требует от своих женщин достоинств, которых сами они не стоят. Может быть. Я не требую от тебя, милая и непонятная итальяночка, ничего сверх того, что ты даешь мне сама, а это столько... Не передать словами. Мне стыдно за себя, неумяющего отблагодарить равноценно.

Я вытянулся на своей половине кровати. Не спалось. Челеста лежала рядом, окутанная невидимыми миражами. Подрагивала во сне. Ее кожа волшебным мерцала и переливалась. По пульсирующей жилке на шее было видно, как бьет-

ся сердце – спокойно, дремотно, никуда не торопясь.

Ночь. Будуар ака постель, то бишь кровать. В глазах – звезды. В теле – гармония. В мыслях – ясноокая жрица Альфазиэля, с которой светло. Рядом – та, без которой темно. Вот ведь, ежик мать его бегемотиков. Мне хотелось быть с обеими. Честно. Брысь дурные подозрения – не вместе. Просто с каждой из них.

С Полиной – как ни с кем и никогда. Она – Эверест, на который мне никогда не взобраться своим ходом.

С Челестой... тоже. Она – мой перпетуум мобиле, шило, что не дает почивать на лаврах. Это мой ребенок, о котором нужно заботиться, и мать, которая переживает за каждый шаг. Моя богиня и забавный ручной зверек. Принцесса и просто друг. Друг, за которого в огонь и в воду.

Веки устало закрылись. Злодей Морфей размыл сознание, как чернильную кляксу водой. Перед глазами вставали образы, один другого прелестней.

Челеста.

Полина.

Сусанна. Тьфу, вспомнил на свою голову. Прочь, нечистая.

Сон сняло, как платье куртизанки. Я перевернулся на другой бок. Вот, так-то лучше. Хррр...

Снова разбудило чувство опасности.

– Челеста?

Я отшатнулся. Тонкие руки держали маникюрные нож-

нички, которые мы купили в Париже.

– Ми скузи, Ольф. О волюто тальяре квесто капеллино...*

**(Прости. Я хотела срезать этот волосок)*

Маленький пальчик указал на мое ухо.

Волосок. Я иногда сам срезал. Если вспоминал.

– Не надо. – Я ласково отвел руку с ножницами. – Сам.

Потом. Спи.

– Комэ воррэй сапере тутта ла верита ди тэ...* – прошептала Челеста, отворачиваясь.

(Как бы я хотела узнать всю правду о тебе...)

Глава 4

– Одджи э иль мио комплеанно. О венте анни.*

**(Сегодня мой день рождения. Двадцать лет).*

Челеста смотрела в потолок и улыбалась.

– И тебе доброго утра.

Она резко поднялась, грациозно влилась в халат и встала передо мной, взбудораженная до непереносимости.

– Венти!*

**(Двадцать)*

Последовал указующий удар в грудь и две вспышки растопыренными пятернями.

– Смотреть на тебя? Глаза открыть? Закрыть? Два раза?

– Одджи!*

**(Сегодня)*

Непонятым движением Челеста показала на все, что находилось вокруг, и в то же время ни на что конкретно. Чего хочет?

– Хеппи бездей ту ми...* – запела она.

**(С днем рожденья меня)*

– Ту ми? – бессмысленно повторил я неправильное окончание песенки, известной практически всем и давно ставшей международной.

– Твенти!*

**(Двадцать)*

– Двадцать? Сегодня? Значит, у тебя день рождения? Так чего же молчишь?!

Я схватился за одежду.

– С меня подарок!

Подарок в исполнении владельца корабля мог быть единственным: доставить именинницу туда, куда сама она попасть не в состоянии. Эх, будь у меня такая возможность во времена до Сусанны...

Глупо сожалеть о невозможном. Так подростки смотрят на, с их точки зрения, древних старперов за рулем крутых тачек: «Ну почему они, а не я?! Мне нужнее!!!»

Милостью небес или какими-то неизвестными мне заслугами я стал обладателями тачки, что даже в самых смелых снах не снилась таким завистникам. Возможно, в былые времена на таких же кораблях летали мои предшественники, которых позже назвали богами. У индусов, например, летающие аппараты из легенд назывались виманами, слово обозначало как царский чертог, так и колесницы, на которых путешествовали упоминавшиеся в Ведах арийские божества. В Махабхарате сказано, что вимана Майасуры имела двенадцать локтей в длину и метала пылающие снаряды. В Рамаяне внешний вид воздушной колесницы сравнивается с солнцем и облаком. В «Шакунтале» вимана пролетает сквозь тучи и покрывается брызгами, а посадка у нее настолько мягкая, что пассажир не заметил, как приземлился. Вимана могла домчать владельца «до любой точки земли и неба». От

прямых аналогий бросает в дрожь. Виманы имели параллели в греческой мифологии. Взять колесницу Гелиоса, например. У древних германцев упоминается солнечная повозка. Список можно продолжать бесконечно. Значит, были времена, когда хозяева кораблей (или их временные владельцы) не скрывались? Если учесть, что сейчас о них остались только легенды, то «выход из тени» ничем хорошим для них не кончился.

Но меня больше волновали собственные проблемы. Не давал покоя вопрос: что могло произойти с истинными хозяевами корабля, чтобы вот так бросить бесценный аппарат, да еще допустить попадание в чужие руки? Руки бывают разные, и страшно подумать, если бы вместо моих попались недобросовестные или жестокие.

Итак, корабль остался без присмотра – временно или постоянно, не в том суть. Почему соплеменники космического туриста или представители завода-изготовителя не прилетели, чтобы исправить ситуацию, которая может привести к войне за мировое господство и даже к установлению Империи? Почему не забрали, не выкрали, не разбомбили, в конце концов, если по какой-то причине нельзя доставить чужеродный аппарат обратно в привычную для него среду обитания? Почему «защита от дурака» настолько примитивна, что передает управление любому, кто нацепит медальон? Неужели на той планете или в том времени, где и когда сделан корабль, все настолько честны и благородны? Вот бы туда по-

пасть. Как сказал Петька Чапаеву в анекдоте, когда за карточным столом игроки объявили, что «Джентльмены верят друг другу на слово»: «И тут карта мне ка-а-ак поперла!..»

Нет, сказал я себе, когда первая эмоция схлынула и работа мозга вернулась в привычное русло. Не стал бы я там жульничать. А впрочем...

Никогда не говори «никогда» – так гласит народная мудрость. Пока не попробуешь – не узнаешь. Другое дело, что не все в жизни нужно пробовать, о вкусе дерьма достаточно услышать от других.

От глобального мысли вернулись к локальному – к полету-подарку для Челесты. Куда податься: юг, север, запад, восток? В голове все перемешалось и словно бы свалилось в глубокий колодец, ничего дельного не могло выбраться из глубин, отпихивая не менее достойные варианты чудес всего мира. Колодец... из глубин... Есть решение! Солнце-море-горы и прочие пляжи подождут, сегодня удивлю спутницу пещерами. А то, что сам этого хочу – чистое совпадение, так как ныне все будет исключительно ради именинницы.

У местных пещер – имею в виду родные российские, вместе взятые – есть неприятные особенности: одни опасны, поскольку не проверены, другие под замком, а третьи, истинные жемчужины, которым заграничные конкуренты в подметки не годятся, не рекламируются и потому неизвестны. Широко известная в узких кругах Кунгурская превращена в выхолощенный аттракцион, после того как внутренности

электрифицировали, а грубые камни, стимулирующие азарт первопроходца, сменили железными лестничками-тропинками с оградой по бокам. Когда первых туристов ползком вводили через дыру с факелами в руках – это было приключение. Теперь на месте узкого лаза – железобетонный коридор с воротами. И везде – провода. Тьфу на них. Хочу жути и мрака, чтобы под ногами осыпалось и хлюпало, с потолка капало, и дух захватывало.

Вспомнились посещенные в детстве пещеры на плато Лаго-Наки. Насколько помню, они закрыты на ключ, а ломать железные двери «для посмотреть» не хотелось.

Но у меня бездонные возможности найти по-настоящему дикие пещеры в любой точке мира. Их тысячи, десятки тысяч, и все ждут, пока появится техника вроде моего корабля, чтобы к ним добраться. А я строю маршрут по известным точкам. Почему?

Стыдно признаться. Боюсь. Теперь, когда весь мир у ног, лезть в неисследованную пещеру, где меня завалит на веки вечные? Увольте.

Мы полетели в Австрию. Во-первых, разница во времени: там еще рано, и если заявится к нам кто-то посторонний, то не скоро. Во-вторых, не сезон: лыжники и сноубордисты только что откатались, теперь съедутся в феврале, если погода не подкачает. Снежные мосты над трещинами в скалах очень тонкие.

Пещеры Айсризенвельт на плато Тенненгебирге – там все

именно так, как я люблю: нет электрического освещения, туристы ходят с карбидными лампами. А сейчас нет и туристов. Корабль влетел внутрь огромной каменной полости, дальше мы отправились на своих двоих. В смысле – полезли. Поползли. Где как. Челесту поразила система невероятных залов с переходами. Лед и камень. Дикость и мощь природы, перед которой человек кажется песчинкой. Челеста почти прыгала от счастья, раньше она ничего подобного не видела.

Вот и отлично. Душевные раны лечатся не только временем, но и новыми впечатлениями. И неплохо лечатся, как вижу. Можно открыть клинику: «Избавление от хандры и депрессии в течение суток, результат гарантирован!»

Ну и глупости же в голову лезут. Если что-то открывать, то масштабное, чтобы вылечить сразу всех. «По щучьему велению, по моему хотению, пусть отныне все будут счастливы!» С моими новыми возможностями – почему нет? Приходите, желающие...

Но кто мне даст общаться с хандрящими? Едва проявлюсь для мировых спецслужб – и поминай как звали. Простите меня, болеющие и умирающие, не в том мире вы заболели, не в то время. Впрочем, время ни при чем. Всегда и всюду открытия, направленные на счастье людей, отбирались сильными для собственного блага и для поддержания своей власти. Не хочу, чтобы повивившимися у меня возможностями кто-то воспользовался для корыстных целей. Еще больше не

хочу, чтобы корабль перешел в чужие руки, оставив меня в клетушке с решеткой или в палате с ватными стенами. Или, что совсем для меня неприемлемо, с пулей во лбу.

Я выбросил лишнее из головы (пока там не завелась та самая пуля) и начал объяснять:

– Залы пещеры названы в честь героев скандинавской мифологии: зал Гимира, занавес Фригги, комната Одина...

Можно было говорить табуретке, эффект тот же. Зато я напомнил эти занимательные факты себе. Не все из памяти выветрилось с получением пространственного всемогущества. О чем я писал на работе, приглашая туда туристов, теперь открыло для меня свои двери. Причем, все.

Ненадолго. Когда стало совсем светло, гул приближавшегося вертолета заставил срочно убираться с закрытой, как думали господа из Зальцбурга, территории. Пусть продолжают так думать, мне так спокойнее.

– Что еще хочешь посмотреть? – Я прокрутил глобус перед Челестой. – Сибирь? Байкал? Чукотка? Алтай? Кавказ? Все что душа пожелает. Что хочешь? Вот ю вонт?

**(Что ты хочешь?)*

– Ай вонт... Вольо прэндэрэ ун кафэ. Кафэ ми пьаче мольто. Сэнца кафэ соно комэ ун паццо э о маль ди тэста.*

**(Я хочу... Хочу выпить кофе. Я очень люблю кофе. Без кофе я просто безумная, и голова болит)*

Повторенное несколько раз слово полностью соответствовало нашему, даже ударение совпало. Скажем, русское «ко-

фе», по мнению филологов долго сохранявшее мужской род от старого «кофий», больше похоже на итальянское, ведь, как я понял, итальянцы всегда выделяют второй слог от конца. Кроме знакомой мне «феличиты». Последнее легко объясняется поговоркой «в семье не без урода», то есть, в моем случае, «в правиле не без исключения».

Что ж, в кафе, так в кафе.

– Легко!

Весь шоколад для тебя, дорогая, как говорят совсем не о шоколаде. Хотя шоколадные изделия в это понятие тоже могут входить. Во времена моих дедушек формулы щедрости были более романтичными: Луну с неба, золотые горы к ногам. Разница в том, что предки ограничивались обещаниями, а молодежь нового века может исполнить угрозу дословно. А если взять некую конкретную личность, которой почему-то особенно повезло...

Я щелкнул пальцами жестом фокусника.

– Оп!

Вертолет как-то сразу оказался внизу и исчез вместе со снежными вершинами.

– Ун кафэ... – Веки Челесты мечтательно прикрылись. – Ме ло манка.

**(Кофе. Мне его очень не хватает)*

– Си-си, меломанка, скоро прибудем. И с музыкой кафе найдем, обещаю.

Взлет не чувствовался, корабль избрал шадящий режим.

Или не корабль, а я, с некоторых пор решивший быть благородным джентльменом.

Из денег у нас были только рубли в скудном количестве, оставшиеся со времен побега, и мы мчались назад в Россию. Для форсу, чтоб не ударить в грязь лицом и порадовать спутницу, я выбрал столицу – дорогую нашу Москву (ну очень дорогую). Предварительный демонстрационный облет впечатлил Челесту. Я сам удивился, как огромен и могуч город с высоты птичьего полета. Одно дело смотреть на здания снизу или с несусветной выси облетающего город лайнера, и совсем другое – вот так, совершенно без цензуры, заглядывая в любой двор и любую форточку. Целый мир, который постепенно открою для себя. А может, и не только для себя.

Корабль снизился до безопасного минимума.

Меломанка, говорит? Кафе и музыка вместе называется караоке. Пока напарница переодевалась из камуфляжно-походного в выходное, я ориентировался по вывескам. Ночные заведения отпадали по причине времени дня, сейчас необходимо что-то круглосуточное. Есть! Близко не подлетишь из-за проводов и рекламы, пришлось изучить настенное расписание из бинокля. Открывшаяся дверь, из которой вышел мужчина, подтвердила, что кафе работает. Посетитель был одет прилично, не шатался. По большинству параметров местечко устроило.

Я провел ревизию средств, лежавших в кармане со времен, когда пришлось податься в бега. Негусто. Максимум, на

один раз демократично покушать. Сейчас большего не требовалось.

Челеста появилась из туалета переодетой в платье из молний. Она выбрала формат «мини»: от подмышек и до такого предела в верхней части бедер, который ничего не показывал, но казалось, что вот-вот покажет. Наверное, она удаляла молнии снизу до тех пор, пока не пришлось вернуть одну на место, чтобы провокация не превратилась в пошлость.

Довольная фигурка прокрутилась передо мной в требовании восхищения и поклонения, глазки лучились.

– Экко бэль э фатто!*

**(Вот и готово)*

Ах, паршивка. Больше подходило «шалунья», «прекрасная озорница» или, в конце концов, «приятная особа, которая знает себе цену», однако я предпочел именно то, что сказал. Причина: помимо нервирующего размера платья – специально сотворенные в нескольких местах разрезы, которые подчеркивали отсутствие белья. На современный взгляд – ничего неприемлемого, самое нескромное прикрыто, но общий вид...

– Нон ти пьяче?*

**(Тебе не нравится?)*

Из глаз едва не ливануло, на лице собрались тучки, заморосило. Пришлось вымученно улыбнуться:

– Сойдет.

Если отрешиться от комплексов, без белья платье дей-

ствительно сидит и смотрится лучше, а что для девушки может быть приятнее?

До сих пор, если в моем обществе какая-нибудь особа велела себя вызывающе (имеется в виду одна совершенно конкретная любительница силикона) – например, танцевала на барной стойке, пока лифчик изображал над головой лопасть пропеллера – я был спокоен: она сама отвечала за свои поступки. Мое дело – присутствовать в качестве мебели и развлекать, когда ее собственная фантазия иссякнет. Сейчас было иначе, Челеста – гостя и подопечная. Если что-то случится, отвечать и действовать мне.

С другой стороны, обладателю корабля бояться чего-то не пристало. Я взял напарницу за руку.

– Пошли.

Спускаться пришлось через крышу и чей-то подъезд, иначе никак. Фейс-контролем в данном заведении не пахло, внутри было пустовато, из множества диванов со столиками занятыми оказались только два. Со сцены неслось:

– ...имирский централ, ветер северный...

Сначала Челеста напряглась, шаг стал нетвердым, рука вцепилась в мою, как в последнее спасение. Впрочем, почему «как»?

Мы заняли диванчик с другой стороны от компаний, по которым чувствовалось, что отдыхают они чуть ли не с прошлого вечера. Стекланный столик перед нами был пуст – ни меню, ни даже рекламы. Официанта не видно, к стойке идти

не хотелось, чтобы не бросать Челесту. Она чувствовала себя не в своей тарелке – незнакомая обстановка, чужие люди, иной язык... Даже песни другие.

– ...но не очко обычно губит... – с надрывом уходил в хрип молодой человек моего возраста, уставившись со сцены на новую посетительницу.

Обе компании – одна смешанная, вторая чисто мужская – тоже не спускали с нас глаз, и кроме любопытства в них проглядывало нечто большее. Я их понимал. Обычно декольте находится сверху, а откровенный разрез итальяночки почти полностью открывал вздернутую грудку снизу. Садясь, Челеста для удобства дополнительно вжикнула в районе копчика, отчего со стороны казалось, что платье развалилось на куски. Щелочки на талии, обнажавшие правду об оставленных дома трусиках, заставляли смотреть туда, где это демонстрировалось еще лучше, а обе компании сидят напротив, а у Челесты ножки худые... Появился официант, над нами нависла сонная физиономия:

– Сейчас только по остаткам или сэндвичи.

– Че ун ристрэтто?* – перебила Челеста.

*(У вас есть кофе «ристретто»? (самый крепкий из существующих кофе))

Официант долго смотрел на нее... точнее, в нее, так как поднять глаза до лица, как большинство присутствующих мужчин, был не в состоянии, и обратился ко мне:

– Итальянка, что ли? Из кофе есть черный, три в одном,

зерновой, со сливками...

На стол легло меню. Названия блюд дублировались по-английски, Челеста впилась в них глазами, быстро пролистываемые страницы погнали ветер. Хмурый официант продолжил:

– Из имеющегося могу предложить...

Челеста отложила меню.

– Ун эспresso, пер фаворе. Нон. – Ее рука резко поднялась, большой и указательный пальцы изобразили направленный в потолок пистолетик. – Прего ми порте дуэ.*

**(Эспresso, пожалуйста. Нет. Принесите для меня два, пожалуйста)*

Жест вогнал меня в ступор, но официант, как ни удивительно, все понял.

– Два черных кофе. А что поесть?

– Ням-ням? – перевел я для Челесты на международный, как его понимал, одновременно похлебав у рта воображаемой ложкой.

Челеста замотала головой. Отлично, хочет просто попить кофе. Говорю же, чудо, а не спутница. С моими финансами – то, что надо, ведь при моих возможностях другая бы...

– Пока ничего, – сказал я. – Если что – позже.

Через несколько минут официант принес заказ, я сразу расплатился. Неприятности начались, как только поднос коснулся стола. Нос Челесты затрепетал, лоб сошелся в задумчивости. Она сделала глоток...

И поперхнулась.

– Нон э ун кафэ. – Челеста жутко сморщилась, словно кофе разбавили уксусом. Напиток был брезгливо отодвинут подальше. – Квелло е аква спорка.

**(Это не кофе, на вкус это грязная вода)*

– Не нравится? – Я отпил из своей чашки. – Вроде нормально. Если хочешь лучше, нужно идти в дорогой ресторан или в специализированную кофейню.

Мимо нас прошел к своему столику парень, только что отходивший к стойке.

– Коза че?*

**(Что это?)*

Челеста опустила взгляд в район своего живота, точнее на растянутый бедрами низ платья, где в середине тугого «гамака» перекачивалась записка.

Я быстро нашел взглядом парня. Поняв, что раскрыт, тот виновато развел руками; последующие жесты рассказали, как моя девушка подавала ему знаки глазами, потом его правая ладонь прижалась к сердцу, и завершил пантомиму извиняющийся наклон головы.

– Ольф, си пуо проварэ ун альтро посто?

**(Можно сходить в какое-нибудь другое место?)*

– Не понимаю, но если хочешь остаться, то без меня. Предпочитаю найти место покультурнее. – Я поднялся и галантно протянул руку даме. – Предлагаю пойти в хорошее кафе с живой музыкой, меломанка.

Нас проводили удрученные мужские и довольные женские взгляды.

Пробираясь через подъезд на крышу, Челеста затараторила:

– Нон ми пьаче квелло ресторантэ. Анке ла музика э мольто страна.*

**(Мне не понравился тот ресторан. И музыка очень странная)*

– Именно – ресторан. Сейчас поищем.

С живой музыкой вышел, как говорится, натуральнейший облом, в такое время даже без музыки работало, в лучшем случае, каждое десятое заведение. Когда мы устали всматриваться в здания и вывески, я остановил корабль вблизи первого же ресторана, который устроил демонстрируемой роскошью. Как понимаю, это один из лучших, а во внеурочное время, как сейчас, сюда можно прийти без бронирования. И пусть обед здесь мне не по карману (если не брать чужого, а после случая с парижским политиком я воздерживался от несвязанного с выживанием криминала), но имею же я право угостить чашечкой горячего напитка симпатичную спутницу? На пару чашек должно хватить, а кутить я не собираюсь.

Мы снова переоделись. В самое лучшее, что было. Пусть штопанное, зато чистое и не мятое. Пусть не по сезону, а наплевать. Не замерзнем, если прошмыгнем опрометью, и если красное платье Челесты, выглядевшее как вторая кожа, не выкинет от напряжения новый фортель. Мои кроссовки не

слишком гармонировали с вечерним нарядом спутницы, но рубашка над джинсами это немного компенсировала. Переживем. Мы переглянулись со сдерживаемым смехом, я предложил даме руку, мы вошли.

Интерьер ошеломил, для меня это было как в сказку попасть. Челеста, глянув в меню, сразу ткнула в напитки:

– Ун каппуччо, пер фаворэ.

**(Капуччино, пожалуйста)*

– Правильно говорить – капуччино, – поправил я итальянку и обернулся к курсировавшему поблизости приносителю счастья: – И мне.

Официант, лощеный хлыщ в белой сорочке, смерил нас взглядом, и примерно через час требуемое оказалось на нашем столе.

История повторилась: ожидание блаженства, глоток, выпущенные глаза, отставленная нетронутая чашка.

– Не любишь кофе? Так бы сразу и сказала, чего выпендриваться? Учту на будущее. – Я бросил официанту: – Чай синьорине.

Ее кофе я выпил вслед за своим и сделал это, надо заметить, с большим удовольствием.

Официант принес чай. Нос Челесты с предвкушением двинулся к чашке... и замер на полпути. Уголки рта опустились, взор потускнел, как лампочка на двести двадцать вольт на территории Америки.

– Ун тэ?

*(Чай?)

– Ти.

*(Чай)

Чего ей еще надо? Горячего шоколада в постель? Не понимаю. Не любишь кофе – не заказывай. В следующий раз пресеку, если решит повторить номер. Еще и от чая мордочку воротит.

Кстати, за последнее время я обнаружил еще несколько особенностей, для моей напарницы вполне естественных. Для меня – не очень. После того, как накормили, она не привыкла говорить «Спасибо», зато чихание встречала возгласом «Феличита!» Любопытно, кому желалось счастье – отчихавшемуся или окружающим, чтобы не заразились вылетевшими микробами?

Или вот такая особенность, тоже отнесенная мной к разряду национальных: Челеста не удивлялась и не противилась откровенному разглядыванию с ног до головы, считая чем-то нормальным. Меня это бесило. Рядом с ней нахожусь я, и любому разглядывальщику, если не извинится, по негласной традиции следует намять физиономию...

Еще – она улыбалась всем посторонним, с кем встрети-лась глазами. Дикое и опасное качество. У нас это называется заигрыванием и в неправильной компании ведет к печальным последствиям. В караоке чуть не привело. Окажись там люди другого сорта или на стакан пьянее...

Челеста зачем-то удваивала «да» и «нет»: си-си, но-но.

Так и хочется добавить: правда-правда. Не из одного ли источника все эти пока-пока и чмоки-чмоки?

Желая изобразить, что ей все равно, она два-три раза проводила тыльной стороной ладони от шеи к подбородку. Комментариев не будет, у нас тоже непонятных жестов с избытком.

Чай остывал, мы сидели молча. Переборов злые чары какого-то несбывшегося желания, Челеста воздела глаза к небу и взялась за чашку. Нет, желания не закончились, чашка осталась нетронутой.

– Си пуо ми ординаре ун бикьерэ ди вино?

**(Возможно заказать мне стаканчик вина ?)*

Ударение не наше, но, кажется, просит вина. А денжат кот наплакал, только на кофе, не больше. Вот же блин точка ком. У напарницы день рождения, а я? И это после всего, что по моей вине свалилось на бедняжку.

– Прости, мы обязательно закажем, но не в этом заведении. После. Не здесь. Но хиа.*

**(Нет здесь)*

Поняв, что ничего другого не предвидится, Челеста принялась хлебать чай. «Обед» завершился скомкано. Я расплатился, отдав официанту почти все кровные.

Погода баловала, на улице стояло бабье лето. Мы без проблем вернулись на корабль и полетели в заМКАДье. Глаза выискивали речку, где можно набрать камней. Камни оказались последним звеном в цепочке размышлений на тему

«как добыть денег, не наступая на горло совести». Честно заработать – не вариант, хотя хитрые извилины вываливали некоторые специфические идейки, либо вовсе экзотические. В основном, корабль фигурировал в них в качестве транспортного средства. Я представлял, как беру в аэропорту опоздавшего пассажира и доставляю на улетевающий самолет, сразу на борт. Разве люди не заплатят за такой аттракцион? Одна из проблем (пожалуй, главная) – как войти в салон летящего лайнера, не вызывая паники и подозрений. И пассажир, к сожалению, не станет молчать о произошедшем. Чудо – оно и есть чудо, даже если не чудо.

Работать обычным такси, пассажирским или грузовым, не получится – клиенту нужно знать, на чем он или его груз поедет. Фантазия работала дальше. Например, можно, обнаружив сверху пожар или наводнение, за плату спасти особо ценное имущество. А если владелец чересчур богатый, предварительно можно самому же поджечь или затопить... Нет, это не мое, мне хочется честных денег. За спасение получают зарплату спасатели, пожарники и врачи, а если у кого-то появилась возможность сотворить добро, нужно делать это бесплатно. Оттого я не верю в экстрасенсов.

Но делать добро тоже не стремлюсь. Начни я спасать каждого, кто по собственной дурости свалится с горы или в ледоход оторвется и уплывет в открытое море на льдине – останется ли время на что-то еще? Говорят, люди приходят к благотворительности с возрастом. Наверное, я еще не повзрос-

лел.

– Понимаешь, Челеста, – по пути рассуждал я, – можно взяться перевозить посылки с континента на континент, но кто мне их доверит без выяснения, каким средством транспорта воспользуюсь? И – к вопросу о документах. Кто поверит мне на слово?

Из-за последнего пункта все легальные виды заработка отпадали. Оттого мысль постоянно возвращалась к крамольному намерению эксплуатировать эксплуататоров, то есть грабить награбленное, как мы делали в Париже.

Где найти воров, которых не посадили? Казалось бы, ответ на виду: достаточно залететь в любой поселок с тройной охраной. Честный человек тратить столько денег на свою безопасность просто не сможет. Но совесть не давала покоя. Даже если телевизор раструбил, что кто-то – последняя сволочь, как узнать, что материал не проплачен конкурентами или завистниками? Не хочу ошибиться, хочу знать наверняка. И грабеж, который выглядит как грабеж – фу, что за манеры, поручик?

Можно полетать над злачными местами, отследить перемещения наркоманов и подловить наркодилеров. На это нужно время. Оттого беспроектным вариантом показались гаишники. Когда никто не видит, многие из них с удовольствием отправляют штраф мимо кассы. Условие «никто не видит» в моем случае легко обращалось к собственной пользе: достаточно найти прячущийся в кустах экипаж, до-

ждать «случайного» попадания денег в машину, и можно действовать. Глас с неба подкрепят падающие камни. Один большой камень, высотой выше клиренса, уронить перед машиной, а второй сзади, чтобы утихомирить особо притких. Можно и на ногу, если попадется кто-то нервный. Наверное, достаточно, чтобы упало рядом, особенно если с намеком, что следующий «снаряд» не промажет. Понятливость и покорность обстоятельствам, замешанная на праве сильного, у коррупционеров в крови. Если все пройдет как надо, люди от моих действий не пострадают, машина останется цела, только настроение взяточников испортится от потери «заработка». Главное, не попасть в поле зрения камер наблюдения, иначе в мире такой шухер начнется...

Внизу выплыла во всей серой красе стройка с заготовленной для чего-то горой нужных мне валунов и булыжников. Возьму отсюда, авось от нескольких камней не обеднеют. Поиграю с первым попавшимся нечистым на руку экипажем, прикажу оставить левую выручку под одним из свалившихся с неба «метеоритов», пусть потом доказывают друг другу, что им не пригрезилось. Бес попутал – бес и забрал. После такого происшествия кто-то из них, возможно, даже в церковь пойдет, исповедоваться и менять жизнь к лучшему. Впрочем, горбатого могила исправит.

Рекламная растяжка поменяла планы. «Срочная доставка по городу»! Доставка! А что, если...

Как частенько у меня бывало, мышцы опередили мысли,

и повинующийся рычагам корабль уже мчался вдоль улиц в поисках чего-то подходящего.

Я прирулил к пиццерии, где на вывеске красовался довольный армянин, для простаков изображавший итальянца, и присутствовало слово «доставка». Кавказцы обычно терпимее к проблемам с документами, у самих такое случается сплошь и рядом. Выйти пришлось за находившийся рядом цветочный киоск, над которым завис корабль, это было единственным подходящим местом на улице, чтобы припарковаться. Жутко пахло аммиаком, стенку киоска подпирали штабеля пустых ящиков. Они и помогли остаться незамеченным. Челеста осталась ждать.

Сразу от двери шагнув к стойке, я спросил стоявшего за кассой парня:

– Хозяин здесь?

За его спиной из-за ширмы появилось еще двое, позади за столиками напрягся народ. Появление неизвестного с требованием начальства встревожило работников и посетителей, их взгляды добило то, что держали мои руки. Весь план на-smарку. Мне совершенно не хотелось привлекать внимания. Придется играть в открытую.

– За хозяина – я, – сказал один из тех, кто появился за кассой. – Чего надо?

Чувствовалось, как сзади поднялись из-за столиков отнюдь не доброжелательные фигуры. Меня брали в кольцо.

– Вам нужны быстрые курьеры, – заторопился я. – Есть

предложение. У меня сейчас нет документов, они на оформлении, также нет залога, кроме, вот, охотничьего карабина. — На стол грохнулась завернутая в камуфляжную куртку «Сайга». — Зато есть изумительная возможность быстро перемещаться по городу. Я готов выполнить несколько заказов.

— Не интересуется.

— А вы подумайте. Возьмусь развезти в три раза больше, и если хоть одну заявку не успею, то денег не надо, а залог останется вам.

Я рассчитывал именно на корысть. Не сработало. Тот, что «за хозяина», повторил:

— Не интересуется. Забери это со стола.

Меня стали выжимать на улицу. Кажется, здесь решили, что им подбрасывают криминальный ствол.

Я сам виноват, мог предусмотреть.

— Ухожу, но вы прогадали. Жаль, что у меня нет другого залога. Без залога же не доверите? Ладно, пойду к конкурентам.

На улице один из подталкивавших остановился рядом.

— Если есть ствол, зачем крохоборничаешь? Не стыдно?

Парень был чуть моложе меня, темноглазый, черноволосый, с характерным носом, свойственным кавказским нациям. Рядом с нами торопились по своим делам прохожие, на нас никто не обращал внимания. Пока. Человек с оружием, пусть оно завернуто в тряпку, рано или поздно бросится в глаза. Мне следовало убираться подобру-поздорову.

– Следуя заповедям «не убий» и «не укради». – Я собрался уйти.

– Тоже верно. А что, правда сможешь быстро попасть на другой конец города и вернуться? Как насчет слетать за час до Теплого стана и обратно?

– Сорок минут.

Ответ произвел впечатление.

– Сделаем так, я дам адресок в том районе, недалеко от метро, отвези девушке цветок. Если через сорок минут будешь здесь, получишь сотню зеленым. Залог оставлять не надо, но если через час тебя не будет, залог станет моим, и мне придется тебя найти, чтобы забрать свое. Если искать придется долго, набегут проценты. Хорошие условия?

Я без колебаний пожал протянутую руку. Парень зашел в соседний киоск, через минуту в моих руках оказались роза и адрес.

– Я Арсен. Тебя как звать?

– Правду не скажу, а врать не хочу. И встречное предложение: если управлюсь за полчаса, сумма удваивается.

Темные глаза Арсена глянули на меня как на кретина, но с уважением.

– В три раза, – спокойно объявил он, перебивая ставку. Уголки губ смеялись. Взгляд не сползал с карабина, а в голове, наверное, строился план, как меня потом отыскать.

– И бутылка хорошего вина, – добавил я.

– Заметано. Ну, Курьер, время пошло.

Его взгляд опустился к наручным часам, я воспользовался отвлечением внимания.

– Эй, Курьер, там нет прохода! – донеслось вслед, когда я исчезал за киоском.

Глава 5

Все прошло отлично, кроме последнего этапа. Времени предприятие заняло минут двадцать, в основном оно ушло на поиск нужного адреса и беготню по этажам. Роза была передана симпатичной девушке, открывшей дверь, через минуту вернувшийся корабль завис около пиццерии... и не смог найти места для посадки. Перед заведением толпились все ранее находившиеся внутри черноволосые посетители, и не только они. За киоском наблюдали, за прочими окрестностями тоже.

Оставлять свою «пррррелесть» с итальянкой где-то далеко было страшновато. Мы снова зависли над киоском. Челеста получила в руки «Калашникова». Я указал на ожидавший народ:

– Если что, не стесняйся, защищай меня как последнюю надежду, что в твоём случае совсем не гипербола. Только не насмерть, а то кораблик не вылечит.

На этот раз я выпрыгнул на другую сторону цветочного павильона, прямо на асфальт перед собравшимися. От меня шарахнулись, кто-то посмотрел на верхние этажи припиравшей заведение пятиэтажки, кто-то – просто вверх. Те, кто не суеверный, взглядов не отводили и молча взяли меня в кольцо. Вперед вышел Арсен.

– Как?! – Чувствовалось, что за ответ он сейчас отдаст

все. – Гаянэ прислала фото, ты был там пять минут назад.

– Условия выполнены, жду оплату. Желательно в рублях.

– Без проблем. Пацан сказал – пацан сделал.

Под присмотром множества глаз в мои руки переключались перевязанная банковской резинкой пачка и темная бутылка без этикетки.

– Что за вино? – Не люблю сюрпризы.

Арсен расплылся в улыбке:

– Не вино, а сказка! Лучшее из домашнего, родители прислали, сами делают. Попробуешь, потом еще придешь.

Заговорил тот, что «за хозяина»:

– Беру на работу. На особых условиях. И тут еще люди хотели потолковать кое о чем...

– Простите. – Я прижал занятые добычей руки к груди. – Со всей душой, но у девушки день рождения, срочно нужно поздравить. В следующий раз – непременно. Можно мне с собой еще одну пиццу и бутылочку лимонада? Сколько с меня?

– Э-э, забудь. От заведения.

Заказанное мне вынесли в пакете, туда же я опустил деньги и вино.

– Приходи, поработаем. – «За хозяина» протянул визитку. – Если что, звони. По любому поводу. Короче, не теряйся.

– Договорились.

Человек, до сих пор отслеживавший пространство сзади киоска, сейчас стоял рядом. Отлично, а то мне казалось, что

ждать придется.

Когда я бегом помчался за цветочный павильон, сзади гроыхнул топот бросившихся вдогонку – не потому, что хотели задержать, а просто не понимали, что я творю. И не поймут. Когда три человека остановились, глупо озираясь на пустом провонявшем пяточке, я уже командовал «Взлет!»

Куда теперь? Все просто. Если мы были на Эйфелевой башне – как не посетить Останкинскую?

Челеста разглядывала квадратную коробочку.

– Пицца?!

– Си, Челеста, как же ты проникательна. На коробке по-итальянски написано.

Открытая крышка вызвала недоуменный взгляд:

– Аллора соно папа. Квестэ пицца американа. Ма пицца американа э комэ ба-ла-лай-ка итальяна.

**(Тогда я Папа Римский. Это пицца по-американски. Но американская пицца это как итальянка балалайка)*

Судя по услышанному, такой пиццей ее папа в Америке угощал. Правда, при чем тут балалайка, я не понял. А-а, балалайка итальяна – гитара! Шутит, наверное. Пицца под гитару... Романтиченько. Но сейчас я устрою такую романтику, какая ни американским пиццам, ни итальянским балалайкам не снилась.

С вином, лимонадом и пиццей мы высадились на такой высоте, где просто появиться страшно. Эйфелева башня, говорите? Вы не стояли на решетчатой площадке для ремонт-

ников, куда выход только с лестницы через лифт для обслуживающего персонала. Почему-то в корабле на большей высоте страшно не было, а здесь...

Челеста схватилась за меня, начисто забыв про пищу. Каблуки соскальзывали в дыры между арматуринами, куда легко проваливалась вся нога. Дунуло так, что моей спутнице пришлось подхватить низ красного платья, оно не просто грозило задраться, а его рвало изнутри восходящим потоком. Резкий порыв унес пищу в красивый полет вверх, словно птицу. Там птица-коробка расправила крылья, нагадила четырьмя сортами сыра и отправилась следом. Обойдемся. Я открыл бутылки.

– С днем рождения!

– Чин-чин!

Бутылки звякнули боками, мы приложились к горлышкам. Моя посудина была с лимонадом, так как я за рулем, в самом невероятном смысле этого выражения. За таким рулем, что ой-ой. Нельзя терять бдительности.

Внизу расстилалась Москва.

– Дарю! – Царским жестом я обвел просторы. – Можешь любоваться, только руками не трогай.

Челеста, насколько показала жизнь, придерживалась того же правила в отношении меня и себя.

Домашнее вино оказалось крепким, Челесту пробрало. Продышавшись, она объявила новый тост:

– Верра иль ностро джъорно! (*Наше время придет*. Или:

будет и на нашей улице праздник)

Звон бутылок – и мы снова отпили. В стальной конструкции ревел ураган, сдувая нас к чертям собачьим. С такой силищей проходило не просто мириться, а подстраиваться, иначе действительно сдует. Без корабля я пока летать не умею. В смысле, что не умею летать управляемо.

Вокруг выло и стонало, мы поочередно отхлебывали, я обнимал прижавшуюся ко мне Челесту за талию... Феличита.

– Нон вольо риторнарэ а каза, вольо прэндэрэ иль воло кон тэ. – Челесту пробило на разговоры. – Сэ бизонья партирэ рер пьянэта альтра – прэго.*

**(Не хочу возвращаться, хочу улететь с тобой. Если понадобится лететь на другую планету, я готова)*

Приходилось кричать друг другу в ухо. Нет, все же здесь совсем не романтическое место. Изначально у меня сама собой возникла подспудная мыслишка о поцелуе, но она сгинула от простого соображения, что если вдруг повторю подвиг коробки с пищей-птицей, то облегчусь отнюдь не сыром и тестом.

– Хватайся за меня! – сообщил я прижавшемуся к губам маленькому ушку.

Возвращение вышло похожим на парижское: Челеста висела у меня на спине, обнимая сзади за шею (в одной руке заодно удерживалось вино), ее тыл так же, как на Эйфелевой башне, сверкал, показывая прошлому все, что о нем думает (злой ветер все же задрал платье), а я с приятной ношей и

своей бутылкой в одно невероятное движение влетел в теплый уют корабля. Теперь, после прыжка через жуть, можно было поцеловаться.

Челеста руководствовалась другими соображениями. Она уселась на полу, привалилась к будуару и вытянула вперед прямые ноги. Покачивая ступнями и прихлебывая из бутылки, Челеста продолжила непонятную тираду «за жизнь».

– Ми авэванно пер нулла...*

**(Меня ни во что не ставили)*

Тоскливый взгляд переползал с меня на бутылку и обратно. Неприятное сравнение.

– Адессо ми анно пер морто. А ке скопо ди риторно?*

**(Сейчас меня считают мертвой. Зачем возвращаться?)*

Кажется, что-то про Одессу говорит. Хочет в Одессу? Нет, милая, не сегодня, для столицы юмора сейчас нет ни денег, ни настроения.

– Давай погуляем, – сказал я.

Поступившее от меня предложение приняли беспрекословно. Еще бы, если ни бельмеса не понимаешь.

Парк Горького отпугнул количеством народа, и я уже почти выбрал дебри Измайловского, над которым мы как раз оказались, но тоже передумал. У человека день рождения, нужно дарить новые впечатления. К тому же, платье, которое ей так нравится – его же нужно кому-то показывать, иначе – в чем смысл?

Пойти в какой-нибудь клуб? А если что-то произойдет, и

потребуется документы? В музей? Не тот настрой. И у Челесты что-то слишком ноги подкашиваются. Не крепковато для нее винцо? Хотя, чтобы свалить итальянца, это надо постараться, у них вино входит в каждый обед и ужин неотъемлемой частью – как у нас «третье», то есть чай или компот. Потому даже машину водить разрешено с достаточным количеством промилле.

Мы вышли к набережной. Лучше просто пройтись по центру столицы, чем специально что-то придумывать. По пути само придумается. Мы шли в обнимку, Челеста что-то лепетала, иногда прикладываясь к бутылке. Я наслаждался жизнью. Солнце... Родина... Опять же – ладонь на чудесной талии... Красивая подружка и свобода, помноженная на всемогущество – что еще нужно мужчине?

Главная мужская радость – дарить радость женщине. Я дарил. И ее принимали. Тоненькая смугляночка светилась счастьем, мне на плечо то и дело клонилась ее головка, лепет становился все тише. Наконец, Челеста полностью умолкла, дальше мы шли в тишине. Хотя, какая тишина в центре Москвы?

Челеста вдруг встрепенулась:

– Ольф, о урдженца ди фарло...*

**(Мне срочно нужно сделать это...)*

Ее бросило к бетонному парапету, она перегнулась...

Прохожие недовольно качали головами либо делали вид, что не видят. Я уныло стоял рядом. Челесту рвало.

Поднесенная к носу бутылка, которую подружка в одиночку уговорила почти на две трети, все расставила по местам. «Лучшее из домашнего», «Не вино, а сказка». Внутри оказался коньяк. Хороший домашний коньяк. «Попробуешь, потом еще придеешь...»

Не приду. Даже в желании удружить надо предупреждать, иначе вот такое случится. И на работу туда не приду, иначе живым не выйду. Пусть те люди, которые хотели со мной о чем-то поговорить, строят планы без моего участия.

Визитка «за хозяина» отправилась в речные воды.

Что-то Челеста долго телится.

– У тебя все в порядке?

У нее все было в порядке. Тело висело на парапете, руки и ноги безвольно болтались. Челеста спала.

– Горе ты мое. А ну, поднимайся. Пошли отсюда!

Слова были бесполезны. Подействовали только хлесткие пощечины, и то не до конца. Поднятый организм отказывался держаться вертикально, нужно было поддерживать, а иногда подхватывать полностью. Неподалеку сверкала рекламой международная сеть бесплатных туалетов, прикрывавшаяся продажей гамбургеров. Втолкнуть подружку в дверь с женским значком я не рискнул: вдруг заснет или, того хуже, начнет буянить? Пришлось вторгнуться в отделение для мужчин.

– Простите...

Затолкав кучерявую головку под кран умывальника, я

включил ледяную воду. Мужики, использовавшие в это время расположенные по соседству писсуары, понятиливо кивали: дескать, молодо-зелено, пить не умеют, а берутся.

– Нон токками! Змэттила!*

**(Не трогай меня! Прекрати!)*

Едва подопечный организм стал оказывать сопротивление, я потащил его обратно.

– Теперь твое дело дойти. До корабля далеко, несколько километров. Главное, продержись!

Не продержалась. Последнюю сотню метров я нес безвольное тело, а когда до корабля было рукой подать, пришлось ждать, пока исчезнут любопытные и сердобольные прохожие. И вообще любые прохожие в пределах видимости, кто мог бы обратить внимание на наглый переход встречной парочки в другое измерение (или как бы они там это называли) и поднять ненужный шум.

Наверное, корабль привел бы Челесту в порядок. Едва люк за нами затянулся, я уложил бедовое создание на кровать и задумчиво потеревил медальон. Потеревил-потеревил, да оттеревил в сторону, от греха подальше. Не тот случай.

– Но... Перке...* – пробормотала Челеста. – Бэво сопран долорэ... Анкора уна вольта... Мольти вэ нэ анно ке вор-эбbero....

**(Нет... Почему... Утопить горе в вине... Еще раз... Многие хотели бы....)*

Теперь она ворочалась, будто ее кололи со всех сторон. Платье, которым она так дорожила, собралось на талии. Я было отвернулся... а с какой стати? Если девушка надевает такое, то понимает, что возможны условия, когда все окажется на виду. И если сама же допускает эти условия...

Даже пот прошиб от сделанного вывода. Если догадка верна, то случившееся – прямой намек?

Стоп, и полный задний ход. Нужно ли искать скрытый смысл там, где все объясняется глупостью? Непредусмотрительность – синоним юности, сам таким был.

Кхм, а ведь не только был, но и остаюсь. Такое творю, что ни в сказке сказать, ни... Это даже не глупость, это мальчишеская борзота по отношению к мирозданию. А с другой стороны – чего оно, мироздание, от меня хочет? Чтобы покорно отдал корабль тем, кто распорядится им с большей отдачей для человечества? А где гарантии, что произойдет именно так, а не иначе, и что какой-нибудь слабодушный винтик системы не решит, что лично ему эта штука нужнее? И кто сказал, что хозяевам летающей тарелки захочется расхлебывать кашу, которая заварится, когда к делу подключатся силы на уровне государств? Может быть, эти истинные хозяева терпят меня, как я терпел бы не сильно доставучее насекомое – прихлопнуть можно всегда, просто лень. Ведь не жужжит над ухом и в суп не лезет...

То есть, когда я начну делать что-то не то, меня прихлопнут. У вызывающего дрожь вывода было приятное след-

ствие: получалось, что сейчас я делаю все как надо. Но другой вывод – что я насекомое, которое временно терпят – несколько не радовал.

Ох, что только не лезет в голову, когда ты не один, но один.

Стало больно смотреть на смятую красную тряпочку. За разглядывание не побьют, а за милую сердцу вещь – легко. Если не в прямом смысле, то в переносном. Например, обидевшись насмерть. Да и вид у платья после того, как владелица пообнималась с парашетом, стал, прямо скажем, не блеск.

– Прости, Челеста, надо.

Платье, поддетое пальцами снизу, короткими рывками поползло вверх. Приходилось переваливать Челесту с боку на бок, иногда приподнимать. Она не просыпалась. Я и прежде видел напарницу обнаженной, но руками трогал впервые. Пульс взбесился. Еще не хватало потерять голову. Я сделал несколько вдохов-выдохов, переждал сердечную канонаду и продолжил дело. Платье снималось поэтапно и очень аккуратно – с такой осторожностью из бомбы вынимают запал. Бомб оказалось несколько, и через энный промежуток времени все оказались снаружи. Последними выскользнули плечи рук. Красное счастье отправилось на полку, там его неведомым способом вычистят и отутюжат, завтра будет не узнать.

С ощущением, будто в одиночку вагон разгрузил, я без сил рухнул около соседки. Естественно, лег лицом к ней – ну

нельзя не смотреть, когда такая красота рядом. Мало того, сложно как не смотреть, так и не прикоснуться. Я осторожно погладил пальцами бок Челесты. Только что спавшая, она дернулась, глаза остались закрытыми, но в тишину гневно выплеснулось:

– Пер ки ми ай?! Че сотто квалькоза. Ке фай кви?..*

**(За кого ты меня принимаешь? Здесь что-то нечисто. Что ты делаешь здесь?)*

Ей что-то снится. Если снюсь я, то где-то в другом месте и не в нынешнем антураже.

Спящее чудо резко отвернулось. Меня пробрало до печенок, инстинкт всерьез вознамерился подраться с разумом. Разве можно заснуть в таких условиях? А нужно. Будем считать овец, или кого там считают для засыпания. Раз, два, три... елочка гори. И вообще, гори все синим пламенем. Пламя, огонь, свет... Освещение, что ли, приглушить?

Раньше Челеста не могла нормально спать без установления кромешной тьмы, а сейчас при свете дрыхла так, что разбудит только взрыв прямым попадаем осколком. И то не факт.

Я вылез из кровати и сел за рычаги. В открывшейся панораме утонула и исчезла позади Москва, внизу проносились леса, поля, дороги. Города. И довольно часто. Куда, собственно лечу? Так ведь домой, а для этого не нужно рулить, точка приземления за городом известна, можно включить автопилот. Освободившееся сознание всколыхнулось: если завтра Челеста проснется в таком виде... Что она подумает?

Я бы на ее месте решил, что кое-кто воспользовался ситуацией. А если вспомнить, что сначала к ситуации привели мои же действия...

Из того, что лежало в кладовке, купленный во Франции комплект вполне подходил — у верхней части была застежка, не придется вязать непонятные узлы. Начать, естественно, надо с главного. Я взялся за щиколотки Челесты, и каждая ступня поочередно вделась с моей помощью в тряпичную восьмерочку. Душевных сил на это ушло столько, будто я тигров сквозь огонь проталкивал. Спина покрылась липким потом. Грубые желания не давали работать, я же сам закрывал себе возможность, которая подсознанию казалась логичной и в каком-то смысле приемлемой. Челеста в таком состоянии, что, наверное, даже не проснется, а я...

А я сволочь. Однозначно, если такие мысли допускаю.

Я потянул на себя лодыжки Челесты, отчего она, лежавшая на боку, вытянулась в струну. Из этого положения ее, для удобства, пришлось опрокинуть на спину. Отлично. Процесс одевания бесчувственного тела продолжился ускоренным темпом. Периодически пришлось, конечно, повалять с боку на бок... Назовем это издержками производства. Челеста все равно не проснулась.

Раз, два, три, четы-ы-ыре... Нет, даже в таком виде она искушает беспомощной доступностью, а гормоны на гармони выводят гармонию. Мысленный счет не поможет. Вызванный глобус получил пальцем в бок, и корабль взмыл за облака.

В той точке мира, куда мы прибыли, только светало. Глазам открылся невероятный комплекс ущелий, скал, пещер, каменных башен, водопадов, ложбин, где по дну огромного плато петляла река Колорадо. В течение дня горы здесь меняют цвета с розовых на серо-синие и далее до пурпурно-коричневых. Иногда становятся даже черными, когда солнце пробивается сквозь облака. Сейчас они были светло-розовыми. Передо мной расстился Гранд каньон. Всего несколько цифр, чтоб оценить масштаб: длина почти полтысячи километров, глубина до двух, ширина в районе дна около километра. Извилины, петли, крюки и даже круги только прибавляли мне решимости совершить задуманное.

– Ну, кораблик, полетаем? Ниже. Еще ниже. Старт!

На ручном управлении я послал транспортное средство вперед со скоростью пули. Компьютерные игры, говорите, стрелялки, бродилки, леталки? Куда им до такого. Лететь по дну каньона на скорости, от которой захватывает дух, и понимать, что одно неверное движение – и от корабля не останется воспоминания... Зато как нервы успокаивает! Точнее, рвет их, вяжет узлами и, как на струнах, играет мазурку. Я чувствовал себя гонщиком из космической кино-саги. Пронесившиеся горы сливались в месиво, на которое не успевал упасть взгляд. Это нереально. Лететь т а к – это больше, чем ощущения. Это за их пределом.

– Ольф, довэ чи тровьямо?* – раздалось из будуара.

**(Где мы?)*

– Очнулась? Здесь и мертвый очнется. Мы в Аризоне. Большой каньон. Я хочу пролететь через него от начала до кон...

– Ольф!!! Прэнди а синистра!!!*

*(*Сверни налево*)

Маленький вертолетик медленно снижался, наш невидимый корабль неся в него со скоростью пущенной вслед ракете противоракеты.

– Черт подери!..

– Маннаджа ла мизэрия!* – раздалось одновременно.

*(*Черт подери!*)

Секундой раньше можно было взять левее, но теперь поздно. Вверх мы тоже не успевали, а если рискнуть, то ускорение с многократной перегрузкой размажет нас по стенкам. Меня, надеюсь, корабль потом как-то соберет по кусочкам во что-то жизнеспособное, а насчет Челесты я не уверен. Впрочем, на раздумья времени не было, все «за» и «против» мозг просчитал автоматически и выдал результат, которому повиновались пальцы на рукоятях. За долю секунды до столкновения корабль успел снизить траекторию до уровня воды. Это не решило проблемы. Мы неслись прямо на урчавшее чудище, и вариантов, чтоб избежать столкновения, не осталось. Все, что я мог сделать, а Челеста бездумно повторить – совершенно по-детски пригнуть головы. Как в машине, когда в лобовое стекло летит ветка, что просто свисает с дерева.

Рассказывать долго, а пролетела всего доля секунды.

Праз... и все.

Это был тот момент, когда перед глазами мчится жизнь. Мчится, мчится... Время перестает существовать, вспоминается все хорошее и плохое, прощаются обиды... То, что длилось миг, в глубине души тянулось вечно. А забылось мгновенно, едва верх корабля соприкоснулся с низом вертолета. Сквозь невидимый салон корабля пронеслась стальная лыжа, и мы с Челестой оказались в сотнях метрах, а вскоре в километрах далее. Люди в вертолете не только не пострадали, но даже ничего не заметили. Корабль сам принял решение о наиболее безопасном выходе из ситуации. Или это подсознательно сделал я?

– Ольф, о пауро.*

**(Мне страшно)*

Челеста попыталась выбраться из будуара. Не получилось – инерция от диких виражей внутри каньона бросила ее обратно и растянула по кровати. Тихо донеслось:

– О маль ди тэста.*

**(Мне плохо, болит голова)*

Корабль, наконец, вынесло на безбрежный простор. Большой каньон пройден.

У меня тряслись руки, они никак не могли отлипнуть от рукояток. Корабль получил приказ сесть в пустыне и закрыть панораму. Несколько шагов в темноте привели меня к напарнице по приключениям, я прилег рядом с Челестой.

– Давай спать. На сегодня впечатлений хватит.

Она доверчиво прислонилась ко мне – как собачка, у которой был трудный день по охране хозяйских владений. Еще бы лизнула для полного соответствия...

Вот тебе и день рождения. Будет что вспомнить. А теперь – спать. Корабль, если слышишь и если можешь – помоги. Иначе я за себя не ручаюсь.

– Ке сучессо иери ла сэра?*

**(Что произошло вчера вечером?)*

Оп. Сколько прошло времени? Открывшиеся глаза ничего не увидели. Вообще ничего. Вокруг сплошная чернота, как в космосе, если попасть куда-нибудь в пустоту между далекими-далекими галактиками. Корабль взяли под управление истинные хозяева, и, по их требованию, нас перенесло?!..

Тьфу, я же сам вчера установил полную темноту. Мысленный приказ открыть панораму вверх в новый шок: мы находились в пустыне, да еще в какой – хоть сейчас снимай вестерн про индейцев.

Вспомнился весь предыдущий день. У Челесты, как видно, наоборот. Она с удивлением оглядывала себя, оказавшуюся не в том, в чем должна оказаться. Ничего не понимающий взгляд переводился на меня и на окружавшие корабль пески, в ясную картинку увиденное не складывалось. А у меня ощущение было, будто глаза только что закрылись. А

солнце уже в зените. Любопытно, я сам отключился, или корабль помог?

– Нон джа диментико ньентэ.*

**(Ничего не помню)*

Челеста сосредоточенно хмурилась – похоже, восстанавливала в памяти вчерашнее. Счастье, что между нами языковой барьер, иначе оба чувствовали бы себя неловко. А так – только она, хе-хе. Спросить не может, и о многом ей остается только догадываться.

Мне вчера открылись три новых истины. Главная: честный заработок для владельца корабля – табу. Сплошные нервы и пшик эффекта. Либо нужно открыться миру и поступить на службу легально, либо добывать деньги по праву сильного – как все нормальные бизнесмены и политики (военные включены в эти категории).

И все же, как ни весело было бы устроить идеальное нераскрываемое преступление, а грабеж и воровство противоречили совести. Пока. Но исключение было, и за будущее я не поручусь. А первое – вообще бред писцовый: кто в здравом уме отдаст полученную в личное пользование вершину инопланетной мысли на службу какой-либо организации?! Я, конечно, патриот, но риск, что медальон хоть на миг попадет не в те руки, чрезвычайно велик. Не факт, что ни у одного госслужащего не разыграют амбиции, и в выборе между работой за зарплату и всемогуществом каждый из них выберет первое. И что делать миру, у которого объявится новый

хозяин, повернутый на идее мирового господства – на почве расы, нации, религии и других причин, вроде политических убеждений? Начнись война – я обязательно вмешаюсь на благо своей страны, а так – не-е, ребята. Да, эгоист. Пусть так и остается. Я уверен, что достаточно кому-то узнать о моих возможностях, и действующие втихаря структуры, по всему миру выясняющие, чья структура структуристей, сразу начнут охоту за мной, с применением всех сил, вплоть, как подозреваю, до использования ядерного оружия.

Увольте от таких развлечений с неизвестной концовкой. Вру, финал известен как для меня, которого рано или поздно поймают, так и, чуть позже, для всего мира.

Второе, что я вынес из вчерашнего, – Челеста непривычна к крепкому алкоголю, он ее вырубает. Если хочу себя уважать, этим знанием никогда не воспользуюсь. А со спиртным завязываем, отныне на борту действует сухой закон.

И третье. Корабль умнее, чем можно представить. Хозяйина в обиду не даст.

Поправка: не только хозяйина, а любого, кто по случаю его замещает. Например, меня. Эта мысль грела как ничто другое.

– Раз уж оказались на этом континенте, покажу кое-что. В смысле, то, что сам мечтал увидеть.

Из облаков корабль упал вниз в районе Больших озер. Недолгий поиск вручную – и мы на месте.

– Челеста, гляди.

У нее отвисла челюсть. Что и говорить, вид фантастический. Я подвел корабль в самой воде, ближе к месту падения. Влажный туман и брызги переливались мириадами радуг.

Ниагара. Так называется объединенное трех расположенных рядом водопадов, каждый высотой в несколько десятков метров. Или глубиной, не знаю, как правильно измерять эти чудеса природы. Поочередно мы осмотрели Американский водопад, Подкову и Бридал-Вейл. Настолько близко, как хотелось, подлететь не удалось – чужой наметанный взгляд мог увидеть корабль в водной взвеси.

Проблема оказалась легко решаемой. Не мытьем, так каньем, говорит народная мудрость. Если нельзя изменить корабль или убрать с обзорных площадок толпы людей, то изменить место – прощу простого. Я бросил корабль в Южную Америку. Водопадов в мире – по-моему, не меньше, чем звезд на небе, и я летел к самому масштабному в этой части света.

Бразилия. Игуасу. Площадь – больше двух километров, состоит из двухсот семидесяти пяти отдельных водопадов, и вместе они создают настолько фантастическую картину... В той мощи водных потоков, падавших со всех сторон, корабль затерялся, как песчинка в ботинке отдыхающего. Мы летали сквозь пенные струи, Челеста охала, но я не разрешал воде проникать внутрь. Как-нибудь в другой раз. Под другое настроение, потому что последствия могут быть скользкими во всех смыслах.

Восторги постепенно улеглись, и я не раз тревожно кидал взгляд на часы. Хронометру плевать на часовые пояса, подходило время randevu с рыжим Русланом. Может быть, простить? Челеста уже успокоилась, я вроде тоже.

Пойду. Зло, как бы ни выглядело, не должно остаться безнаказанным. Наверное, рыжий прав, и Лаврик мне наврал. Выяснять у Челесты я не собирался, моя задача – помочь ей избавиться от чудовищных воспоминаний, а не ворошить их. Главное: Руслан давал слово, он гарантировал безопасность. Поручился. Головой. А слово свое не сдержал. За это и заплатится. Или будет прощен. Бог рассудит.

Мы полетели.

– Прости, – сказал я виновато, – не могу иначе. Мне нужно завершить дело. Не для кого-то и даже не ради кого-то, не будем показывать пальцем. Просто для себя.

Челеста уныло улыбнулась. Все поняла. Чего не поняла, но почувствовала. Сокровище, а не женщина.

Межконтинентальный прыжок прошел привычно незаметно. О том, что однажды в пути «бензин кончится», мне даже не думалось: корабль у меня умный и во многом самостоятельный. Если что-то пойдет не так, думаю, он даст мне знать или сам примет меры. Скорее всего, уже принимает, а владельцу о таких мелочах знать не надобно.

Оставив Челесту поскучать некоторое время в корабле над забором, за две минуты до нужного времени я стучался на стрельбище. Дверь, обычно открытая, оказалась заперта.

Я внимательно поглядывал по сторонам: если Руслан устроит мне засаду с приятелями...

В ситуации с луком он слово сдержал. Другой удавился бы, но не отдал. Хотя... Лук и жена – вещи несопоставимые.

Скрипнул замок, из двери высунулась огненная шевелюра:

– Ты? Надо подождать. Или придется отложить, начальство прибыло, теперь пока не натешится...

– Сколько это удовольствие обычно продолжается?

Руслан пожал плечами:

– От часа до четырех. Я обязан присутствовать, мне за это зарплату платят. Давай, вечером. В девять.

– Будет темно.

– И что?

– Просто напомнил. Хочешь стрелять в темноте – пожалуйста.

– Мишень подсветим фонариком.

– Нет проблем. Где?

– У меня машина, мне все равно.

– За городом.

– Хорошо.

– Поворот на деревню Запряжье. – Другой местности я не знал настолько досконально, чтобы давать ориентиры. – Дальше будет развилка, поедешь влево, там встретимся.

– Куда выводит дорога?

– К реке.

– Договорились.

– Оружие, как понимаю – блочный лук с прицелом? Твое любимое?

– Блочник, – подтвердил Руслан. – На девяносто метров.

– Ско-олько?

– Ты сказал, класс оружия и дистанцию устанавливаю я.

– Хорошо.

На девяносто, по-моему, даже мишень не разглядишь.

Кивнув друг другу, мы расстались до вечера.

Челеста смотрела на меня с обидой. Естественно. Сначала сверг в кошмар, затем обещал помощь, а вместо помощи теперь скачу, как горный козел по равнине, со своими безумными тараканами в голове. Да еще воюю с ними – плечом к плечу.

– Все. – Я взялся за рукояти. – Больше никаких дел. Только ты, я и весь мир. Теперь можно и...

Взмыв в воздух, корабль пронесся над центром города. Вот внизу промелькнула громада крытого рынка...

Ударило, как лбом о стеклянную дверь в бутике: Нина! «Познакомлю с Красавиной, это секретарша Задольского. В пятницу к шести тебе нужно быть у центрального рынка, я встречу...» Время – тютелька в тютельку.

После случившегося – захочет ли? Да и нужно ли теперь? Я покосился на Челесту. Может, пусть все идет, как идет. Идет, в общем, неплохо. И если кто забудет меня ногами за такое сравнение, будет прав, потому что все просто офиги-

тельно.

А хочется, чтоб было еще лучше. Без решения проблемы моей невинности мне покоя не обрести. Покой души – главная составляющая счастья, остальные составляющие без нее не работают, сколько бы их ни было под рукой.

Вот же черт, сколько их ни было, все – под рукой. Все! Кроме одной. И оттого я несчастен. Тоска...

Внезапное снижение вызвало у Челесты удивленное беспокойство. Я опять виновато развел руками. Опечалившаяся очаровашка полезла в будуар и отвернулась. Перед этим я успел заметить, как ее губы с обидой выставились, точно их прищепкой сжали.

– Это ненадолго!

Успокоить не получилось. Ну, потом развеселю как-нибудь. Придумаю как. Когда вернусь.

Нина стояла в оговоренном месте и нервно поглядывала на часы.

– Опоздал? – с тревогой спросил я.

– Думала, не придешь.

– А я думал, что Владлен стрелял в тебя. Шел сюда и не верил, что увижу живой и невредимой. Хорошо, что все обошлось. – Я не смог не задать главного вопроса. – Что Владлен Олегович узнал по поводу документов?

– Не знаю. Не рассказал. – Нина оглядела меня. – Нужно

переодеться. В этом нельзя.

– Несолидно?

– Невозможно.

Я закусил губу.

– Ничего другого у меня нет.

– Нужно тебя приодеть. Возьмем такси и подберем что-то из костюмов Владлена.

– А время у нас еще есть?

– Немного.

– Тогда успею. Подожди. – Я бросился к припаркованному во дворах невидимому кораблю. Интересно, что подумала Нина: к кому-то в гости, или просто крыша поехала?

– Вот и я! Соскучилась?

Кажется, да. Челеста сияла, как надраенный медный таз прабабушки.

– Я же говорил, что ненадолго, – с твердой верой в свои слова соврал я, усаживаясь за ручное управление.

Недавнюю угрюмость Челесты как рукой сняло. Она выскочила из будуара и встала рядом со мной справа, чуть за спиной, как попугай пирата. Думаю, что будь у нее такая возможность, с удовольствием забралась бы и на плечо.

Наверное, когда ухожу, не стоит закрывать ей внешний обзор. Пусть хотя бы улицей любит, а то с катушек слетит, в четырех-то стенах. Точнее, в одной, которая перетекает в другие.

Мы взлетели и через миг зависли у моего дома.

– Ю*. Костюм, черный. Блэк. Взять. Тэйк.

**(Ты. Черный. Взять)*

Челеста пыталась вникнуть в задачу.

– Коза дэво прендере?*

**(Что должна взять?)*

– Костюм для торжественных случаев. Пиджак, брюки, туфли, рубашку, галстук...

Карие глазки удрученно моргнули.

Не понимает. Переводить сказанное на язык жестов – сумасшествие и медленное самоубийство. Самому идти в дом нельзя. Плавали, знаем. Возвращаемся к плану «А».

– Зайди внутрь и снова открой окно. – Я достал ключ от квартиры. – Виндоу оупен. Си?*

**(Окно открыть. Да?)*

– Комэ вольта скорса? Ва бе.*

**(Как в прошлый раз? Хорошо)*

– Отлично.

Челеста отправилась по знакомому адресу, почти пританцовывая и не забывая поглядывать по сторонам – вдруг снова чужие традиции мордобоя в ответ на уважение?

Я направил корабль к окну. Интересно, кто запер окна. Кому-то же это понадобилось. Но тогда...

Додумывать стало некогда – на звук вставляемого Челестой ключа из мертвой зоны обзора проявились две мужские фигуры. Судя по позам, неизвестные были вооружены и готовы применить оружие. Они замерли в темноте по обе сто-

роны двери.

Снова тело соображало быстрее застопорившегося сознания. Руки схватили лук. Выстрел...

Пробитое двойное остекление со звоном осыпалось. Стрела, пролетела комнату и прихожую и лязгнула о сталь входной двери. Хорошо, что в свое время я поменял хлипкую деревянную дверь на более крепкую, иначе моей смуглянке досталось бы.

Затаившиеся внутри квартиры здоровяки (таким, как они, хорошо бы работать грузчиками, или защищать страну, или тягать штанги на международных соревнованиях) вздрогнули, срикошетившая стрела на излете ткнулась в левого из них, донесся непечатный вскрик. Второй показал ему кулак. Все стихло.

Челеста – умница. Она правильно среагировала на шум. Дверь не открылась.

Две фигуры выждали несколько мгновений и начали действовать. Левый незнакомец показал что-то на пальцах и скрылся с прямой видимости, тень скользнула к разбитому окну, через миг край лица осторожно выглянул в мою сторону из-за боковины. Второй отпирал дверь с явным намерением преследовать визитера.

Только бы Челеста успела. Я подогнал корабль к подъезду как можно ближе. Внутрь вошла какая-то парочка, оттуда сразу же появилась моя засланка и, вращая ошалелыми глазами, помчалась туда, где высаживалась. Позади нее начала

отворяться подъездная дверь...

Челеста взвизгнула, когда высунувшиеся из ниоткуда руки на ходу подхватили ее под мышки. Последнее, что я видел перед взлетом – недоуменно крутившего головой преследователя и безумный взгляд бабы Нюси, с открытым ртом застывшей за стеклом своего наблюдательного пункта. Интересно, станет ли она кому-нибудь рассказывать. Все-таки у нее репутация сплетницы вменяемой, в своем уме и здравом рассудке.

Челеста вцепилась в меня, как обезьянка в пальму на верушке кроны. Наверное, это были объятия, но мне казалось, что могучий спрут решил пообедать моей персоной, а для начала выжать сок.

– Все хорошо, милая. – Высвободив руки, я стал успокаивать напарницу. – Ты поступила правильно. Абсолютно правильно.

Ладони гладили ее спину и вспотевший затылок. Вздрагивавшую макушку. Трепетно жавшуюся ко мне поясницу. Хотелось и ниже, очень хотелось. А почему нет? С нежностью и благоговением моя пятерня огладила упругий барабанчик. И соседний. И снова первый, по-прежнему медленно и заботливо, словно это нормально и по-другому просто не бывает. Наверное, Челеста так и поняла. Или, вся на нервах, не заметила. Что делать, если она заметит, я не знал. И не хотел знать, чтобы не рушить отношения, которые пока устраивали обоих.

Пока? Хм. Что скажет по этому поводу дедушка Фрейд?

Моя ладонь вернулась на спину и затылок.

Наконец Челеста отлипла.

– О мольто пауро.*

**(Я очень испугалась)*

Корабль уже висел над центральным рынком.

Глава 6

Нина мучительно всматривалась вдаль. Я подошел с другой стороны.

– Не получилось, – грустно выдохнул ей прямо в ухо.

Она отшатнулась.

– Ты меня напугал. Ладно, ничего не поделаешь, пойдем. Запомни: я тебя представляю, дальше – твои проблемы.

– Естественно.

Мы двинулись через дорогу к ресторану, чьи двери призывно освещались разноцветными прожекторами. Едва я и Нина поравнялись со входом, рядом у тротуара взвизгнули шины, и почти у наших ног затормозила низкая спортивная машина. Как такая, вообще, ездит по нашим ухабам? Не понимаю любителей занижать свои тарантасы. Даже «лежачий полицейский» становится непроходимым препятствием, а весенняя ямка в асфальте – могилой. У ткнувшегося в наши колени образца связанные с подростковыми комплексами понты присутствовали в заводском исполнении. Было жаль помещенную во враждебную среду стальную птицу, рожденную для гоночных трасс. Хотелось выпустить ее на волю.

В глухой броне тонировки разверзлась щель и увеличилась до размеров всего окна.

– Нина!

Голос принадлежал роскошно упакованной длинноволодой дамочке в опушенной мехом кожаной куртке и темных очках, не дававших четко определить возраст, отчего я не знал, какой термин лучше применить по отношению к ней – «девушка» или «молодая женщина». Скорее всего, возраст укладывался в промежуток от двадцати лет до тридцати.

– Привет! – откликнулась моя спутница.

Дверца машины отворилась, при томном выставлении ног на асфальт не по сезону короткая юбка водительницы нескромно задралась вверх, а при вставании, столь же медленном и, чего греха таить, красивом, секретарша Задольского отметилась новой нарочитой демонстрацией безукоризненных конечностей, тонкой талии и витринной груди. Одежда, стать и самомнение соответствовали стоимости машины. К лицу поднялась холеная ручка, пальцы с длинными красными ногтями сняли очки...

Я помотал головой. Дежа-вю какое-то. Нет, не показалось, я действительно ее откуда-то знаю. Где-то видел. Но где?

Знакомый разлет бровей. Зовущие скулы. Сексуальные губы бантиком. Ниже – выдавливающие друг дружку «молочные пакеты», наполняя которые, Творец, похоже, на что-то отвлекся и закрыл кран чуть позже, чем обычно, создав излишний объем и избыточное давление. Выше – лицо. Яркое, запоминающееся. До дрожи знакомое. Где же мы пересекались?

– Это Олег, – указала в мою сторону Нина.

Красавина – так назвала она секретаршу Задольского, предлагая свести с ней. Абсолютно незнакомая фамилия. Откуда же...

Красотка не удостоила меня вниманием.

– Ты же помнишь, – наставительно проговорила ей Нина. – Мы договорились. Я знакомлю тебя с Василием Платоновичем, ты помогаешь Олегу.

– Да помню я, помню, – отмахнулась та и высокомерно кивнула в мою сторону.

С Василием Платоновичем? Я едва не поперхнулся. Снова мой виртуальный спаситель. Не мешало бы узнать, наконец, что он за фрукт и с чем его едят.

– Это Анжела.

Озарение прилетело как строительная конструкция в темечко: это же та, с диска «Студенки»! На обложке – глупо хихикающая Наташа и вот это привораживающее лицо, неуклонно возвращающее к себе из глубин соблазна. Небывало гибкая спина. Много успевающие руки. Акробатические ноги. Секретарша Задольского? Кажется, Задольский – специалист в интрижках не только финансовых и политических. Что должна уметь секретарша, чтобы ездить на спортивной машине, о которой большинство спортсменов мечтать не могут?

Пока все это крутилось в голове, я потерянно глядел по сторонам. И зря. Слева от входа в ресторан случилось маленькое столпотворение, в его центре двое полицейских за-

талкивали в воронок дебошира. Один из стражей порядка пересекся со мной взглядом. Я резко отвел глаза, но не выдержал и, стоило полицейскому отвернуться, скосил их обратно. Полицейский оказался профессионалом, он не оставил пикировку взглядов без внимания. Закончив с хулиганом, он сверился с ориентировкой, кивнул второму, оба вразвалочку двинулись в нашу сторону.

– Предъявите документы.

Я посерел. Корабль! Ой, дуррра-а-ак... Ну какого черта...

О чем думаю, какой корабль, ведь в нем – Челеста! Без меня корабль ни выпустит ее, ни накормит...

В ситуацию вмешалась Нина:

– Мы к Василию Платоновичу. Торопимся. Вон он сидит.

Зажавшие меня в клещи полицейский и его напарник отпрянули. Из-за стеклянной витрины ресторана нам махал рукой седовласый мужчина в темно-сером костюме при галстукке. Полицейские судорожно отдали честь и дематериализовались. Дверь перед нами отворилась мгновенно и с неким пиететом, швейцар увидел, к кому идем, на мои джинсы и свитер брезгливо покривил рот, но смолчал.

Седовласый встал при нашем приближении. У Анжелы словно маятник Фуко внутри тела включили, теперь она не шла, а несла себя, как на блюде. Около столика ею была принята добивающая взгляд отрепетированная поза, которая откровенно выпячивала все, что выпячивается, и оттопыривала все, что, соответственно, оттопыривается и волнует обре-

мененное стандартными наклонностями мужское население планеты. Седовласый относился к упомянутой форме существования, и все, что предназначалось его вниманию, мимо внимания не прошло. Седой ежик прически почтительно склонился, однако взгляд не опустился ниже приемлемого уровня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.